

**Новосибирский государственный
педагогический университет**

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 2024

Наталья Яковлевна Большунова

главный редактор, доктор психологических наук, профессор

Заместители главного редактора

Т. В. Белашина, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Н. А. Галюк, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Д. В. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск

Новосибирск

Учредитель: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Развитие человека в современном мире/Human Development in the Modern World» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-76340 от 19 июля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

- Е. В. Бакшутова**, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, Самара
- Е. О. Ермолова**, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск
- С. Ю. Жданова**, доктор психологических наук, профессор, Пермь
- К. Б. Кадыров**, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)
- Е. И. Кузьмина**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- Е. Ю. Коржова**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- М. К. Кабардов**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- В. В. Лемиш**, кандидат психологических наук, доцент, Омск
- Ю. М. Перевозкина**, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск
- О. А. Устинова**, кандидат психологических наук, доцент, Новокузнецк
- М. Г. Чухрова**, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск
- О. А. Шамшикова**, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

- О. О. Андронникова**, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Члены совета

- Р. А. Агавелян**, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск
- Н. С. Глуханюк**, доктор психологических наук, профессор, Екатеринбург
- А. В. Зобков**, доктор психологических наук, профессор, Владимир
- В. С. Чернявская**, доктор педагогических наук, профессор, Владивосток
- Л. В. Лидак**, доктор психологических наук, профессор, Пятигорск
- М. Миланков**, доктор медицинских наук, профессор, Нови Сад (Сербия)
- Т. И. Миронова**, доктор психологических наук, профессор, Кострома
- С. К. Нартова-Бочавер**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- А. К. Осницкий**, доктор психологических наук, профессор, Москва
- М. М. Решетников**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- Б. Р. Кадыров**, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)
- Сенна Васконселос да Силва Валесно**, доктор педагогики, профессор, Рио-де-Жанейро (Бразилия)
- А. В. Серый**, доктор психологических наук, профессор, Кемерово
- И. Г. Соловьева**, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск
- Е. В. Черный**, доктор психологических наук, профессор, Симферополь
- М. А. Щукина**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург
- Е. В. Руденский**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирск
- М. Я. Дворецкая**, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

**Novosibirsk State
Pedagogical University**

HUMAN DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL

№ 1 2024

Natalya Yakovlevna Bolshunova

Editor in chief, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor

Assistants of the Editor-in-chief

T. V. Belashina, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

N. A. Galyuk, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

D. V. Ivanov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk

Novosibirsk

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education
Novosibirsk State Pedagogical University

The journal "Human Development in the Modern World" is registered by Federal service
on supervision in sphere of communication, information technologies
and mass communications PI № FC77-76340 from July, 19th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included
in the Russian Scientific Citation Index

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

- E. V. Bakshutova**, Doctor of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Samara
E. O. Ermolova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk
K. B. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
S. Yu. Zhdanova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Perm
E. I. Kuzmina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
E. Yu. Korzhova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
M. K. Kabardov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
V. V. Lemish, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Omsk
Yu. M. Perevozkina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
O. A. Ustinova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novokuznetsk
M. G. Chuhrova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
O. A. Shamshikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson

- O. O. Andronnikova**, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Council members

- R. A. Agavelyan**, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
N. S. Glukhanyuk, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Ekaterinburg
A. V. Zobkov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Vladimir
V. S. Chernyavskaya, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor, Vladivostok
L. V. Lidak, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Pyatigorsk
M. Milankov, PhD (Medicine), Professor, Novi Sad (Serbia)
T. I. Mironova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kostroma
S. K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
A. K. Osnitsky, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
M. M. Reshetnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
B. R. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
Senna Vasconcelos da Silva Valesio, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor,
Rio de Janeiro (Brazil)
A. V. Seryj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kemerovo
I. G. Solovyova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
E. V. Chernyj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Simferopol
M. A. Schukina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
E. V. Rudensky, Doctor of Sci. (Sociol.), Professor, Novosibirsk
M. Ya. Dvoretzkaya, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Белобрыкина О. А.* (Новосибирск, Россия) Диагностические риски в профессиональной практике специалистов помогающих профессий 7
- Ходинская Г. Н.* (Новосибирск, Россия) Оценка продуктивности опосредованного запоминания понятия сомнение в методике «Пиктограммы» 48

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Кадыров К. Б.* (Ташкент, Узбекистан) Особенности эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии 61
- Иноятова С. Р.* (Ташкент, Узбекистан) Гендерные особенности управленческих компетенций у лидеров молодежи 72

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Раскумандрина М. Е.* (Иваново, Россия) Детско-родительские отношения и формирование личности подростка 81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Устинова О. А.* (Новокузнецк, Россия) Об итогах Международного форума «Семья и образовательная организация – навстречу друг другу» (8 февраля 2024 г.) 94
- Большунова Н. Я.* (Новосибирск, Россия) Об итогах Межрегионального научно-методологического вебинара «Регуляторные способности и их место в структуре индивидуальности и личности» 98

Журнал основан в 2017 г.
Выходит 4 раза в год
Компьютерная верстка И. Т. Ильюк
Редактор Д. О. Зверева
Адрес редакции:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
8(383) 244-00-95.
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
8(383) 244-06-62.

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 22.
Формат 70x108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет: 25.03.2024
Отпечатано в Издательстве НГПУ

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2024
Все права защищены

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Belobrykina O. A.* (Novosibirsk, Russia) Diagnostic risks in the professional practice of helping professions specialists..... 7
- Khodinskaya G. N.* (Novosibirsk, Russia) Assessment of productivity of mediated memorization of the concept doubt in the method “Pictograms” 48

AGE PSYCHOLOGY

- Kadyrov K. B.* (Tashkent, Uzbekistan) Features of emotional qualities of personality of young men and girls with different individual asymmetry profiles..... 61
- Inoyatova S. R.* (Tashkent, Uzbekistan) Gender Features of Managerial Competencies in Youth Leaders..... 72

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL LEARNING ENVIRONMENTS

- Raskumandrina M. E.* (Ivanovo, Russia) Child-parent relations and formation of adolescent personality..... 81

SCIENTIFIC LIFE

- Ustinova O. A.* (Novokuznetsk, Russia) On the results of the International Forum "Family and Educational Organization – Towards Each Other” (February 8, 2024) 94
- Bolshunova N. Ya.* (Novosibirsk, Russia) On the results of the Interregional scientific and methodological webinar "Regulatory abilities and their place in the structure of individuality and personality" 98

The journal is based in 2017 Leaves 4 yearly Electronic make-up operator I. T. Iliuk Editor D. O. Zvereva Editors address: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. 8(383) 244-00-95 Editors publisher and printing house: 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28, т. 8(383) 244-06-62	Printing digital. Offset paper Printer’s sheets: 9,0. Publisher’s sheets: 6,6. Circulation 1000 issues. Order № 22. Format 70×108/16 Release date 25.03.2024 Printed by Publishing House of the NSPU
--	---

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Развитие человека в современном мире. 2024. № 1
Human Development in the Modern World. 2024, no. 1

Научная статья

УДК 159.99

Диагностические риски в профессиональной практике специалистов помогающих профессий

Ольга Альфонсасовна Белобрыкина¹

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье обсуждается проблема кризиса современной теории и практики психодиагностики в России, распространения в профессиональной среде явлений диагностической некомпетентности и псевдонаучной диагностики. Особое внимание уделяется рассмотрению роли диагностической работы в деятельности специалистов помогающих профессий (психологов, педагогов, девиантологов, дефектологов, социальных работников и пр.), с опорой на которую обосновывается актуальность оценки качества психодиагностического инструментария и формулируется цель работы – выявить и охарактеризовать вероятностные риски, обусловленные применением ими диагностических процедур. Для достижения цели был осуществлен поиск изданий, посвященных анализу качества конкретных методик психодиагностики. На основе библиографического и текстологического анализа рассмотрены имеющиеся источники научной, учебной и методической направленности, посвященные вопросам теории, методологии и практики психологической диагностики, требованиям к оценке содержания методов психодиагностики, что позволило обобщить и представить в табличной форме результаты анализа качества отдельных диагностических инструментов. Исходя из результатов теоретического анализа текстов, опубликованных методик, представляется краткий анализ проблемных зон прикладной психодиагностики, формулируется понятие «диагностический риск», под которым понимаются действия диагноста как уже совершенные, так и вероятностные, грозящие субъекту опасностью постановки ложноположительного, недостоверного, необъективного, неквалифицированного или ятрогенного и т. п. диагноза, не позволяющего разработать для него адекватные рекомендации или подобрать оптимальные средства социально-психологической профилактики, коррекции, психотерапии, реабилитации и пр., или методы для саморазвития, самоопределения. В качестве одной из основных причин возникновения диагностических рисков обозначается низкий уровень или несформированность психодиагностической культуры значительного числа специалистов помогающих профессий как пользователей. Обозначены показатели проявления диагностических рисков, показано значение профессиональной рефлексии специалиста в предупреждении их возникновения. Отмечается, что до тех пор, пока специалисты помогающих профессий не осознают степень персональной ответственности за применяемые методики, проявление диагностических рисков будет возрастать, что может привести к эклектическому хаосу в профессиональной практике психодиагностики.

Ключевые слова: психодиагностика, библиографический анализ, текстологический анализ, психодиагностическая культура, диагностические риски, специалисты помогающих профессий, профессиональная рефлексия.

Для цитирования: Белобрыкина О. А. Диагностические риски в профессиональной практике специалистов помогающих профессий // Развитие человека в современном мире. 2024. № 1. С. 7–47.

Original article

Diagnostic risks in the professional practice of specialists of helping professions

Olga A. Belobrykina¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article discusses the problem of the crisis of modern theory and practice of psychodiagnostics in Russia, the spread of the phenomena of diagnostic incompetence and pseudoscientific diagnosis in the professional environment. Particular attention is paid to the consideration of the role of diagnostic work in the activities of specialists in helping professions (psychologists, teachers, deviantologists, defectologists, social workers, etc.), based on which the relevance of assessing the quality of psychodiagnostic tools is substantiated and the goal of the work is formulated – to identify and characterize probabilistic risks caused by their use of diagnostic procedures. To achieve the goal, a search was carried out for publications devoted to the analysis of the quality of specific psychodiagnostic methods. Based on bibliographic and textual analysis, the available scientific, educational and methodological sources devoted to issues of theory, methodology and practice of psychological diagnostics, requirements for assessing the content of psychodiagnostic methods are considered, which made it possible to summarize and present in tabular form the results of the analysis of the quality of individual diagnostic tools. Based on the results of a theoretical analysis of the texts of published methods, a brief analysis of the problem areas of applied psychodiagnostics is presented, the concept of “diagnostic risk” is formulated, which means the actions of the diagnostician, both already committed and probabilistic, threatening the subject with the danger of making a false positive, unreliable, biased, unqualified or iatrogenic and so on. a diagnosis that does not allow one to develop adequate recommendations for him or to select the optimal means of socio-psychological prevention, correction, psychotherapy, rehabilitation, etc., or methods for self-development and self-determination. One of the main reasons for the emergence of diagnostic risks is the low level or unformed psychodiagnostic culture of a significant number of specialists in helping professions as users. Indicators of the manifestation of diagnostic risks are indicated, and the importance of a specialist’s professional reflection in preventing their occurrence is shown. It is noted that until specialists in helping professions realize the degree of personal responsibility for the methods used, the manifestation of diagnostic risks will increase, which can lead to eclectic chaos in the professional practice of psychodiagnostics.

Keywords: psychodiagnostics, bibliographic analysis, textual analysis, psychodiagnostic culture, diagnostic risks, specialists of helping professions, professional reflection.

For citation: Belobrykina O. A. Diagnostic risks in the professional practice of specialists of helping professions. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 7–47. (In Russ.)

Введение. Диагностическая направленность в современных условиях приобрела широкую распространенность в социальных науках и практиках. Именно психологическая диагностика в настоящее время стала универсальной и зачастую исчерпывающей и ключевой целью в педагогических, социальных и психологических исследованиях, независимо от того, заявляется эта цель или нет. «Предполагается, что результаты диагностики позволят обосновать, уточнить, дифференцировать практические рекомендации, тем самым обеспечив прикладное значение исследования» [2]. Вместе с тем, все то огромное количество исследований, по мнению А. Н. Алёхина, Т. В. Виноградовой, является «производством мнимого знания», а выводы, формулируемые на основе результатов таких исследований, по определению не могут иметь практического значения [2; 12]. На распространенность исследовательских данных, приводящих «к обнародованию многочисленных теорий “нежити”», которые идеологически популярны, но имеют мало фактических оснований», указывают и зарубежные авторы [29, с. 555]. А. Н. Алёхин полагает, что «об этом можно было бы не тревожиться и не говорить, если бы методики “психологической диагностики” не обрели вдруг незаслуженную популярность не только в “психологических исследованиях”, но и при решении управленческих вопросов (профессиональный отбор, экспертиза и т. п.), став удобным подспорьем бюрократических решений, которые уже касаются жизни и судьбы конкретного человека» [2]. Причем в деятельности специалистов помогающих профессий психодиагностическая доминанта вызывает особые опасения, т. к. заключения, которые они делают на основе использования методов психологической диагностики «в области профессионального отбора, в образовании или в клинике, могут нанести реальный ущерб личности, негативно повлиять на ее дальнейшую судьбу. Возможно, так и происходит, только, кто и когда отслеживал пагубное влияние такого рода оценок личности в условиях отсутствия какой-либо нормативно-правовой основы деятельности диагноста?» [11, с. 31].

Очевидно, что подобная распространенность психодиагностики и востребованность диагностического инструментария не могла остаться без профессионального и общественного внимания, актуализируя проблему качества применяемых методов (тестов, методик, опросников) и диагностической компетентности их пользователей.

В научной, учебной и справочной литературе в достаточном объеме отражена методология психодиагностики, обозначены нормы профессиональной этики для разработчиков и пользователей методов психодиагностики, представлены требования к компетентности и профессиональной пригодности диагноста [5; 6; 9; 10; 20; 24]. Однако, как показывает практика, диагносты-пользователи крайне редко обращаются к этой информации.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать вероятностные риски, обусловленные применением специалистами помогающих профессий диагностических процедур.

Одной из приоритетных задач, позволяющих достичь обозначенной цели, выступал поиск публикаций, посвященных качеству конкретных психодиагностических процедур.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составили международные и отечественные нормы и стандарты в области психодиагностики [4; 9; 10; 24], а также этические кодексы профессиональной деятельности психолога [26; 27].

Ключевыми методами теоретического исследования выступали методы библиографического и текстологического анализа, позволившие рассмотреть имеющиеся литературные источники, посвященные вопросам теории, методологии и практики психологической диагностики.

В качестве основного материала для анализа проблемы возникновения диагностических рисков и качества психодиагностического инструментария использовались следующие источники:

1. Обзорные историографические работы, представляющие состояние отечественной психодиагностической практики.
2. Учебные и методические пособия, практикумы по психодиагностике, рекомендуемые специалистам помогающих профессий.
3. Научные публикации (монографии, научные статьи, сборники научных трудов, материалы научно-практических форумов (съезды, конференции), переводные издания, диссертационные исследования) по проблемам психодиагностики.
4. Справочная литература по психологической диагностике.

Теоретическая часть. Основной идеей выбора тематики и содержания представляемого материала послужила мысль, высказанная Г. Линком в 1919 г. в работе «Психология труда» (*Employment Psychology*). Он писал: «Основная проблема профессиональной психологии состоит в установлении ценности определенных тестов для решения определенных задач. Первый шаг состоит в том, чтобы *протестировать тесты, а не кандидатов*» [30]. По мнению Д. Бертрама, результат экспертизы теста дает диагносту-пользователю независимую и чрезвычайно ценную информацию о сильных и слабых сторонах инструмента. Кроме того, любая форма аудита (внешний, внутренний, обязательный или инициированный) тестов защищает права диагностируемого (испытуемого, обследуемого) на то, чтобы его оценивали качественным инструментом [9].

Многие авторы отмечают, что развитие психологической диагностики как теоретической и практической отрасли психологической науки в современной России характеризуется глобальным кризисом. Об этом свидетельствует господствующий на протяжении последних десятилетий «диагностический беспредел», которому способствует тотальная, вплоть до агрессивных тенденций [11; 20], популяризация психологических методик и тестов, в том числе через обширную сеть интернет-сервисов, неправомерное инициирование, зафиксированное в профессиональных стандартах, широкому кругу специалистов помогающих профессий (психологов, педагогов, девиантологов, дефектологов, социальных работников и пр.) функций психодиагностики [5; 6; 21; 23]. Существующая ситуация, в свою очередь, способствовала расширению границ их некомпетентного применения, включая и профессионально непригодные диагностические процедуры, на что неоднократно указывали В. И. Лубовский, Л. И. Переслени, А. Г. Лидерс, Л. Ф. Бурлачук, Л. Ф. Чупров, К. В. Сугоняев и другие авторы [10; 15; 16; 20; 22; 23].

Примечательно, что одним из главных аргументов в пользу применения психодиагностических методов, причем безотносительно к их качеству, администрация образовательных учреждений, руководители психологических служб образовательных учреждений разного уровня, Центров диагностики и консультирования (областных, городских), Центров психолого-педагогической поддержки молодежи и т. п. указывают на возможность с их помощью (точнее, на основе наличия/отсутствия протоколов по проведенной диагностике) осуществлять контроль за дея-

тельностью специалистов. Вместе с тем во всем многообразии психодиагностических процедур, особенно личностной направленности, только малая часть методик прошла процедуру профессиональной экспертной оценки и отвечает требованиям качества и психометрического соответствия.

Это не может не вызывать серьезных опасений, и поэтому проблемы психодиагностики становятся предметом не только острых дискуссий в профессиональном сообществе, но и увеличивают диагностические риски постановки некачественных и даже ложных психологических диагнозов, формулирования выводов на основе недостоверных результатов. И это особенно опасно в ситуациях, когда решается судьба человека (ребенка или взрослого), например, при проведении психолого-медико-педагогического консилиума, осуществлении экспертной оценки личности и т. п.

Цель диагностики в деятельности специалистов помогающих профессий, работающих в практике разрешения всего многообразия психологических проблем, состоит в сборе информации об особенностях развития человека, на основе которой прогнозируется вероятностная динамика его формирования на следующих этапах онтогенеза или в реализации профессиональной деятельности, выстраивания семейных отношений и пр., планируются и осуществляются мероприятия по обеспечению полноценного психического, личностного, социального, профессионального и иных направлений развития субъекта жизнедеятельности. Именно результаты, полученные с использованием психодиагностических методов, выступают стартовой площадкой для разработки и реализации программ профилактики, консультирования, коррекции, психотерапии, реабилитации и др.

В методологии психодиагностики обозначено: для того, чтобы методики были достаточно надежными средствами выявления особенностей личности, деятельности и поведения человека и позволяли получать вполне качественные и достоверные данные для формулирования безошибочных выводов и обеспечения необходимого уровня надежности психологического заключения, необходимо чтобы они были научно обоснованными. Такими считаются методы, *характеризующиеся адекватной операционализацией и верификацией, надежностью, валидностью, точностью и однозначностью*. Причем, отмечается, что методика может быть не валидной, но обязательно должна обладать высокой надежностью. По мнению М. Фера и В. Бакарака, «надежность теста может иметь исключительное влияние на качество решений, которые принимаются на основании тестовых баллов» [21, с. 173].

Методологические требования и определили необходимость поиска публикаций, посвященных анализу качества диагностического инструментария.

Перечень диагностически несостоятельных тестов и методик, обнаруженных в аналитических публикациях, условно дифференцирован нами на несколько групп по виду диагностики: когнитивные, индивидуально-личностные, эмоциональные, коммуникативные, проективные, девиантологические.

Так, со времени становления когнитивной психологии в системе социальных наук и практик востребованы тесты на определение различных сторон интеллектуального развития детей и взрослых. Однако, как показал текстологический анализ, некоторые тесты, используемые в современной практике психодиагностики, характеризуются рядом методологических несоответствий (табл. 1).

Сводные результаты анализа качества отдельных диагностических методик когнитивной направленности¹

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	«Методика изучения особенностей мышления» (МИОМ)	Во многих субтестах (особенно вербальных) присутствуют некорректно сформулированные и потому недискриминативные пункты, что снижает надежность оценок	Адаптация данной тестовой батареи не завершена. В своем нынешнем виде ее применение для отбора кандидатов сопряжено со значительными ошибками, особенно при использовании отдельных субтестов	1. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. – М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. – С. 228–252.
2	Тест «КР-3» (Интеллектуальная батарея тестов), субтесты «Аналогии» и «Силлогизмы»	Получаемые оценки зависят от того, учитывается ли при анализе и отборе результатов влияние ограничения времени, стандартно используемого в групповых тестах на интеллект	Без подробного анализа процедуры тестирования и структуры заданий исследователь может не заметить важных свойств анализируемых шкал и сделать неполные или неадекватные выводы об их психометрических качествах. Применять с учетом указанных рекомендаций	1. <i>Кричевец А. Н., Корнеев А. А., Сугоняев К. В.</i> Проблема однородности шкал интеллектуальных способностей: психометрическая оценка // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 144–169. 2. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.
3	Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра	В России нет адаптированного варианта теста Р. Амтхауэра (включая предлагаемый «ИМАТОН»). Все предлагаемые в пособиях версии – модифицированные контрафактные варианты	Не рекомендуется к применению	1. <i>Лубовский В. И., Переслени Л. И., Семаго М. М.</i> О публикациях психодиагностических материалов // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 133–137. 2. <i>Сабанин П. В.</i> Приключения теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра в СССР и России: дефективно-детективная история // История

¹ Здесь и далее (табл. 1–6) представлен перечень методик, по анализу которых были найдены публикации. Обозначение результатов анализа и рекомендаций представлено в авторских формулировках.

1	2	3	4	5
				<p>русской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 3. С. 227–241.</p> <p>3. <i>Чуров Л. Ф.</i> «Федот, да не тот» или метаморфозы методик Э. Ф. Замбацьявичене и «Словесных субтестов» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2012. № 1-2. С. 42–61.</p>
4	<p>Тест «Стандартные прогрессивные матрицы (СПМ)» и набор 1 из «Продвинутых прогрессивных матриц (ППМ1)» Дж. Равена</p>	<p>Тест слишком прост для современной популяции: почти половина пунктов дискриминативны лишь среди 5–10 % лиц со сниженным интеллектом, что обуславливает чрезмерную левостороннюю асимметрию оценок и снижение дифференцирующей способности в области уровней общей когнитивной способности выше среднего ППМ1 – слишком короткий тест, чтобы обладать приемлемым уровнем надежности</p>	<p>Применение на релевантных популяциях сопряжено со значительными лишними потерями времени и материальных ресурсов. ППМ1 может использоваться как скрининговый экспресс-тест в комплексе с другими тестами способностей</p>	<p>1. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.</p> <p>2. <i>Шмелев А. Г.</i> Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.</p>
5	<p>Методика определения умственного развития нормальных и аномальных детей (7–9 лет)</p>	<p>В пособии В. М. Астапова «Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии» словесный материал существенно изменен, вторая проба перепутана с третьей, добавлены слова, сделана попытка адаптировать словесный материал к российским условиям (тест первично апробировался на</p>	<p>Вариант, предложенный В. М. Астаповым, не рекомендуется к применению</p>	<p>1. <i>Лубовский В. И., Перелени Л. И., Семаго М. М.</i> О публикациях психодиагностических материалов // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 133–137.</p>

1	2	3	4	5
		<p>детях, обучавшихся в 1–3-х классах литовских школ). В то же время количественная оценка успешности выполнения словесных субтестов оставлена без изменения по сравнению с исходной. Отсутствуют данные проверки предложенного варианта методики и законности использования предлагаемых критериев для видоизменения тестового материала</p>		

Очевидно, что применение когнитивных измерительных процедур низкого качества, подобных представленным в табл., грозит не только увеличением численности лиц с фиктивной интеллектуальной недостаточностью, но и невозможностью, например, в условиях школьной практики разработать адекватный образовательный маршрут ребенка, что окажет неблагоприятное влияние на динамику его дальнейшего развития.

Диагностика индивидуально-типологических особенностей и личностных характеристик не менее востребована в современных реалиях. Однако и в этом направлении выявлено наличие измерительных процедур ненадлежащего качества (табл. 2).

Таблица 2

Результаты анализа качества тестов диагностики индивидуально-личностных свойств и характеристик

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	Тест ММРП и его последующие вариации и адаптации (Прототип для «СМИЛ», «ММИЛ»)	Ярчайший пример атеоретического подхода, «эмпиризма мусорной корзины», к разработке инструмента для измерения личностных свойств. Интерпретация результатов основана на вероятностной оценке сходства	Громоздкая клиническая методика, абсолютно не предназначенная для организационного контекста и определения профпригодности. Диагностически несостоятелен. Не рекомендуется к применению	1. <i>Алёхин А. Н.</i> Методологический диагноз психологической диагностике [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php (дата обращения: 02.10.2023). 2. <i>Анастаси А., Урбина С.</i> Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2009. 688 с.

1	2	3	4	5
		<p>реакций конкретного субъекта с тенденциями реакций клинически верифицированной выборки. Низкие прогностические возможности при найме персонала, особенно в правоохранительном контексте</p>		<p>3. <i>Лурье Е. В.</i> Психологические тесты в оценке компетенций // <i>Кадровик. Кадровый менеджмент.</i> 2009. № 9. С. 65–78. 4. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 5. <i>Шмелев А. Г.</i> Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с. 6. <i>Forero C. G., Gallardo-Pujol D., Maydeu-Olivares A., Andres-Pueyo A.</i> A Longitudinal Model for Predicting Performance of Police Officers Using Personality and Behavioral Data // <i>Criminal Justice & Behavior.</i> 2009. Vol. 36, iss. 6. P. 591–606. 7. <i>Streiner D. L.</i> Being inconsistent about consistency: When coefficient alpha does and doesn't matter // <i>Journal of Personality Assessment.</i> 2003. Vol. 80, iss. 3. P. 217–222.</p>
2	<p>Тест «СМИЛ» (и вариант «СМИЛ-375»)</p>	<p>Создана на основе прототипа – теста MMPI. Сохраняет дефекты методики-прототипа и все ее версии российской адаптации. Надежность сомнительна, валидность непредсказуема и не имеет отношения ни к современным структурным моделям нормативной личности, ни к моделям психопатологии. Методику нельзя отнести</p>	<p>Нецелесообразно использовать СМИЛ и его вариации для выявления склонности к девиантному поведению. В ситуации экспертизы не рекомендовано применение методики для профессионального психологического отбора</p>	<p>1. <i>Дьячук К. И., Елисеева И. Н., Тарасов Д. Л., Шаталов В. Э.</i> Внутренняя согласованность шкал, надежность и информативность пунктов методики СМИЛ-375 // <i>Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология.</i> 2022. Т. 40. С. 3–17. 2. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового</p>

1	2	3	4	5
		к категории надежного психодиагностического инструмента. Доля «работающих» вопросов теста минимальна. Достоверность результатов тестирования не обеспечивается тестовой безопасностью (не защищена от «натаскивания» на нормативные ответы) в связи с широкой распространенностью и доступностью стимульного материала и ключей. Клиническое содержание теста противоречит концепции СМИЛ как неклинического опросника		облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.
3	Тест «ММИЛ» («Методика многостороннего исследования личности»)	Создана на основе прототипа – теста ММРІ. Атеоретичная методика. Значительная часть измеренной внутренней согласованности связана с действием общего оценочного фактора, близкого к социальной желательности. Несовершенство и неэффективное функционирование контрольных шкал: L, F, бессмысленность (и даже вред) шкалы К-коррекции	Применение методики в организационном контексте не имеет под собой ни психометрических, ни рациональных оснований; объяснение этому феномену возможно лишь в терминах веры, но не науки	1. Сугоняев К. В. О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
4	Опросник черт характера для взрослых (ОЧХ-В) В. Русалова и О. Маноловой	Конструктивная валидность теста сомнительна, поскольку никаким факторным анализом невозможно подтвердить	Опросник непригоден к применению	1. Сугоняев К. В. О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-

1	2	3	4	5
		существование латентных свойств; некоторые шкалы явно избыточны (например, респонденты не улавливают различий в содержании шкал экзальтированность и циклотимность); возможность оценивать «акцентуированность» по таким свойствам, как гипертимность и демонстративность находится за пределами разрешающей способности одноименных шкал; шкала эмотивность имеет все признаки гендерной		практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
5	NEO-FFI	Психометрические характеристики теста на релевантных выборах не соответствуют описанным в руководстве к русскоязычной версии, причем две шкалы имеют устойчиво низкую одномоментную надежность. Некорректные формулировки ряда пунктов утверждений	Адаптация русскоязычной версии опросника не завершена. Не рекомендуется до завершения адаптации	1. Сугоняев К. В. О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностные опросники NEO-PI-R и NEO-FFI. Руководство по применению. Ярославль: Психодиагностика, 2004. 39 с. 3. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
6	Две версии опросника для оценки локуса контроля – «Уровень субъективного контроля» Е. Бажина и др. и «Локус контроля» Е. Ксенофонтовой	Оба варианта опросника не соответствуют психометрическому качеству	Методика Е. Бажина не рекомендуется к применению. Версия методики, предлагаемая Е. Ксенофонтовой, может быть использована с осторожностью	1. Сугоняев К. В. О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова.

1	2	3	4	5
			и в комплексе с другими методами	М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
7	Опросник ЕРІ Г. Айзенка	<p>Психометрические характеристики не соответствуют диагностическому конструкту (экстраверсия, нейротизм). Интерпретация результатов основана на вероятностной оценке сходства реакций конкретного субъекта с тенденциями реакций психологически верифицированной выборки. Искаженный ключ, не позволяющий получить объективные данные. Шкала экстраверсии качественно не проработана и не может применяться в экспертизе. Анализ содержания недискриминативных пунктов шкалы нейротизма показывает, что они относятся к тем аспектам поведения, которые были отнесены Г. Айзенком к параметру «психотизм». Отнесение в ряды интровертов лиц, характеризующихся низким уровнем психотизма (по шкале Н), не объективизировано. Снижена валидность интерпретаций, основанных на так называемом «круге Айзенка»</p>	Не рекомендуется к применению	<p>1. Алёхин А. Н. Методологический диагноз психологической диагностике [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php (дата обращения: 02.10.2023).</p> <p>2. Белобрыкина О. А. Этико-диагностическая компетентность работников образовательной и социальной сферы (на примере анализа случаев из практики) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 11–32.</p> <p>3. Сугоняев К. В. О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.</p>

1	2	3	4	5
8	Тест «16-ФЛО» (16PF)	Методика существенно устарела. Интерпретация результатов основана на вероятностной оценке сходства реакций конкретного субъекта с тенденциями реакций психологически верифицированной выборки. Фактор «социальной желательности» сильно сливается с «эмоциональной устойчивостью» (С), «социальной смелостью» (Н), «оптимизмом» (F), который при высоких значениях вполне можно интерпретировать как «пофигизм». Тотально неудовлетворительная ОМН (одномоментная надежность) оценок по большинству шкал, невозможность даже частично подтвердить структурную валидность	Использование теста в его нынешнем виде в качестве «референтного» личностного теста не согласуется не только с принципами психометрики, но и с элементарным здравым смыслом. Методика ни в одной из известных русскоязычных версий непригодна для использования в аттестационной ситуации или в качестве авторитетно-информативной при исследованиях валидности новых инструментов. Применение ее в консультативной психодиагностике также представляется неоптимальным	1. <i>Алехин А. Н.</i> Методологический диагноз психологической диагностики [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php (дата обращения: 02.10.2023). 2. <i>Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М.</i> Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2007. 688 с. 3. <i>Сугоняев К. В.</i> Русскоязычный 16-факторный личностный опросник: тест или мистификация? // Здоровый образ жизни и физическое воспитание студентов и слушателей вузов: материалы XIII международной очно-заочной научно-практической конференции. В 2 ч. / под ред. А. В. Карасева, Е. А. Разумовского, А. А. Сафонова, В. А. Собины. М.: ИНЭП, 2015. Ч. 2. С. 105–116. 4. <i>Сугоняев К. В.</i> Тестовая критика или ЧТО и ЧЕМ мы измеряем? [Электронный ресурс]. URL: https://forum.ht-line.ru/threads/testovaja-kritika-ili-cto-i-chem-my-izmerjaem.1816/ (дата обращения: 02.10.2023). 5. <i>Шмелев А. Г.</i> Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с. 6. <i>Шмелев А. Г.</i> 16-PF в России или «каша из топора» [Электронный ресурс]. URL: https://ht-lab.ru/blog/16pf-v-rossii-ili-kasha-iz-topora/ (дата обращения: 02.10.2023).
9	Опросник Г. Шмишека (известный в том числе и как Характерологический опросник К. Леонгарда)	Значительная доля утверждений не соответствует заданным шкалам. Рекомендуемые в опроснике критерии квалификации тестового балла практически не оставляют шансов	Опросник совершенно несостоятелен	1. <i>Лидерс А. Г.</i> О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53. 2. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора

1	2	3	4	5
		респонденту остаться не приписанным к той или иной акцентуации (часто – сразу к нескольким)		в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.
10	Методика «Мотивационная структура личности» В. Э. Мильмана	Операционализация и верификация диагностического конструкта отсутствуют. Неопределенность понятийного строя методики. Ключ искажен. Идентификация по ключу отдельных вариантов ответов содержательно не соответствует шкалам, к которым они отнесены. Интерпретация данных чрезвычайно трудоемка и имеет ряд неопределенной информации и противоречий	Не рекомендована к применению	1. <i>Белобрыкина О. А.</i> Типология мотивов и методы их диагностики в современной психологии // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 85–99.
11	Методика «Анкета по оценке уровня школьной мотивации» Н. Г. Лускановой	Отсутствует операционализация понятия, составляющего основной диагностический конструкт. Диапазон адресной группы не конкретизирован. Высокая доля вероятности социально желательных ответов. Отсутствует убедительное обоснование заданных интерпретационных характеристик	Методика диагностически неинформативна и методологически некорректна. Не рекомендуется к применению	1. <i>Гейдебреخت Н. А., Белобрыкина О. А.</i> Школьная мотивация: о состоятельности диагностической методики Н. Г. Лускановой // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В. Г. Леонтьева / под ред. О. А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 125–134.
12	Методика «Диагностика личностного роста» (П. В. Степанов, И. В. Кулешова, Д. В. Григорьев)	Значительное количество утверждений в стимульном материале не соответствует тем шкалам,	Не рекомендована к применению	1. <i>Овчинников А. Ю., Белобрыкина О. А.</i> Личностный рост: проблема психометрической состоятельности диагностического конструкта (на примере анализа

1	2	3	4	5
		на диагности- ку которых они направлены, операционализа- ция и верификация диагностического конструкта не объективизирована и осуществлена со множеством методологических и методических нарушений		методики П. В. Степанова, И. В. Кулешовой, Д. В. Григорьева // Наука. Мысль. 2017. № 6. С. 35–48.

Одной из наиболее трудно поддающихся психологическому измерению считается эмоциональная сфера личности, поэтому к качеству методик этой направленности (при разработке и при проведении) предъявляются особые требования [3; 10; 22; 24]. Тем не менее в ряде методик этой группы выявлены серьезные содержательные и психометрические недоработки (табл. 3).

Таблица 3

Результаты анализа качества тестов диагностики эмоциональных свойств и состояний

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	«Методика стрессоустойчивости личности» Т. Холмса и Р. Page	Отсутствует информация о русскоязычной адаптации и стандартизации методики на соответствующей выборке. Не представлены сведения об адресной группе и ее возрастных границах. Некорректность содержательных формулировок значительной доли обозначенных ситуаций	Варианты методики не рекомендованы к применению. Относительно информативным можно считать вариант, предложенный Н. Е. Водопьяновой. Его можно рекомендовать к практическому применению при условии корректировки инструкции и использовании в комплексе с другими диагностическими процедурами	1. Гулиева Х. Б., Белобрыкина О. А. Стрессоустойчивость личности: к вопросу о диагностической информативности методики Т. Холмса и Р. Page // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3. С. 6–24.
2	«Тест школьной тревожности» Б. Филлипса	Отсутствует информация о русскоязычной адаптации и стандартизации методики на соответствующей выборке. Не уравновешенность шкал	Тест диагностически несостоятелен. Не рекомендуется к применению	1. Борисова Н. А., Белобрыкина О. А., Гейдебрехт Н. А., Штайц Т. К. Школьная тревожность: противоречия диагностики (на примере анализа методики Б. Филлипса) // РЕМ: Psychology. Educology.

1	2	3	4	5
		<p>Некорректная формулировка значительной доли вопросов. Искаженный ключ, наличие противоречий в рекомендациях по обработке полученных результатов. Отдельные вопросы участвуют в обработке по нескольку раз, относясь одновременно к нескольким шкалам. Терминологическое смешение при описании шкал. Отсутствуют нормативные значения для нижней границы допустимого уровня тревожности</p>		<p>Medicine. 2016. № 2. С. 123–165.</p>
3	<p>Методика оценки текущего психического состояния – «Самочувствие, активность, настроение» (САН)</p>	<p>Не подтверждена обоснованность выделения трех шкал. Психометрический анализ указывает на однофакторную структуру методики</p>	<p>Не рекомендуется к применению без соответствующей доработки</p>	<p>1. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. <i>Шмелев А. Г.</i> Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.</p>
4	<p>«Дифференциальная диагностика депрессивных состояний» (предложена В. Зунге в адаптации Т. И. Балашовой)</p>	<p>В источниках, представляющих методику, отсутствуют: обозначение концептуальной основы методики, операционализация диагностического конструкта, психометрические характеристики, статистическое обоснование</p>	<p>Не рекомендована к применению</p>	<p>1. <i>Трунева С. А., Белобрыкина О. А.</i> Диагностика депрессивных состояний личности: к проблеме качества публикации диагностического инструментария // Инновационные методы диагностики в психологии, педагогике, девиантологии, психиатрии и пениологии: материалы I Международной научно-практической конференции / под ред. М. Г. Чухровой.</p>

1	2	3	4	5
		предлагаемой форме и алгоритму обработки данных, четкое обозначение адресной группы и ее возрастных границ, информация об области применения результатов. Попытка стандартизации осуществлялась на лицах с наркологической симптоматикой		Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 176–187.
5	Опросник «Шкала тревоги» Ч. Д. Спилбергера Ю. Л. Ханина	Формальная валидизация методики. Не все пункты опросника, оценивающего личностную тревожность, отражают именно ее. Методика недостаточно адекватно отражает «глубинную» тревогу. Содержательное смещение в один общий диагностический конструкт параметров «Ситуационная тревожность» и «Личностная тревожность»	Требует применения с осторожностью. Данный инструмент необходимо использовать совместно с диагностической беседой, дополнять проективными тестами, оценивающими эмоциональное состояние человека	1. <i>Шмелев А. Г.</i> Психометрические параметры методики Спилбергера-Ханина (ситуативная и личностная тревожность) [Электронный ресурс]. URL: https://forum.ht-line.ru/threads/psichometricheskie-parametry-metodiki-spilbergera-xanina-situativnaja-i-lichnostnaja-trevozhnost.3363/ (дата обращения: 02.10.2023). 2. <i>Щербатых Ю. В.</i> Методики диагностики тревоги и тревожности – сравнительная оценка // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 2. С. 85–104.
6	Опросник «Шкала тревоги (ВАТ)» А. Т. Бека	Ряд пунктов весьма трудно идентифицировать как признаки тревоги	Методику необходимо применять с осторожностью и совместно с другими диагностическими методами, дополнять проективными тестами, оценивающими эмоциональное состояние человека	1. <i>Щербатых Ю. В.</i> Методики диагностики тревоги и тревожности – сравнительная оценка // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 2. С. 85–104.
7	«Шкала безнадежности» А. Т. Бека	Нет сведений об адаптации и стандартизации на русскоязычной выборке.	Низкий уровень информативности и диагностической пригодности. Использование методики	1. <i>Белобрыкина О. А., Солоницына М. А.</i> Диагностическая информативность методики «Шкала безнадежности» А. Т. Бека: проблемы практического применения //

1	2	3	4	5
		Отсутствуют: операционализация диагностического конструкта; сведения о статистической оценке теста; психометрические характеристики; четкое обозначение адресной группы и ее возрастных границ; качественная интерпретация данных. Формулировка большей части утверждений некорректна или имеет полисемическую нагрузку	нецелесообразно. Не рекомендована для определения склонности личности к суицидальным тенденциям	PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1. С. 34–61.
8	«Опросник агрессии» А. Басса и А. Дарки (в разных вариантах наименований)	Не конкретизирован концептуальный подход, на основе которого конструировался опросник, отсутствуют сведения о стандартизации на русскоязычной выборке и психометрические характеристики теста, об адресной группе, возрастные нормы. Отдельные утверждения одновременно относятся к нескольким шкалам. Не обозначен диапазон нормативных значений индексов враждебности и агрессивных реакций. Наличие грубых нарушений в ключе по обработке данных	Не рекомендована к применению	1. <i>Клюев В. А.</i> Методика диагностики агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки: содержательный анализ, достоинства и недостатки // Роль и место психологии в формировании личности в условиях меняющегося мира: материалы Межвузовской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Новосибирск: Новосибирский гуманитарный институт, 2013. С. 25–30.
9	Методика «Диагностика потребности	Отсутствуют: сведения о стандартизации на	Методологически несостоятельна и непригодна	1. <i>Шварц Т. Ю.</i> Потребность в ощущениях: о диагностической состоятельности

1	2	3	4	5
	в поисках ощущений» (М. Цукерман)	русскоязычной выборке; возрастные нормы; психометрические характеристики теста; статистически обоснованные методы подсчета и стандартизации тестовых баллов. Отдельные формулировки утверждений не позволяют судить о потребности в ощущениях. Интерпретация не предусматривает возрастной специфики при оценке результатов	к практическому применению	методики М. Цукермана // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 188–198.

Диагностика межличностных отношений и коммуникативных характеристик человека (ребенка, взрослого) всегда была востребована в широкой социальной практике, а в настоящее время она вновь становится актуальной в связи со снижением уровня непосредственного общения между людьми [1; 6; 20; 24]. Соответственно, методологические и методические требования к качеству диагностических процедур социальной направленности сохраняют свою значимость, но не все применяемые пользователями методики полностью отвечают заданным критериям (табл. 4).

Таблица 4

Результаты анализа качества тестов коммуникативных особенностей и межличностных отношений

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	Опросник К. Томаса (методика К. Томаса – Р. Киллмена)	Надежность шкал чрезвычайно низка. Психометрические характеристики 4 из 5 шкал не соответствуют диагностическому конструкту	Не рекомендуется к применению	1. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. <i>Шмелев А. Г.</i> Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.

1	2	3	4	5
2	Тест «Социальный интеллект» (СИ) М. О. Салливена и Дж. Гилфорда	На фоне большинства когнитивных тестов отличается своим крайне низким психометрическим качеством. Надежность всех субтестов низка, не столько вследствие краткости, сколько из-за присутствия значительного числа недискриминативных пунктов. Наиболее одиозным в этом отношении является 4-й субтест	Психометрические характеристики теста не позволяют рекомендовать его к использованию в декларированных издателями целях. Кроме того, его конструктивная валидность не может считаться доказанной	1. <i>Сугоняев К. В.</i> О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252. 2. <i>Сугоняев К. В., Редько А. А.</i> Психометрия методики «Социальный интеллект» О'Салливена и Гилфорда // Управление профессиональным образованием в социальной сфере: материалы VI Всероссийской межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Нелюбин. М.: Советский спорт, 2012. С. 186–192.
3	Опросник «ВРР (Взаимодействие ребенка и родителя)» и вариант «ВРР (Взаимодействие взрослый-ребенок)» И. М. Марковской	Гипертрудоемка в применении. Некорректное представление бланков регистрации ответов. Отсутствует описание измеряемых параметров и проведенных процедур валидизации и стандартизации. Отсутствие возрастной дифференциации норм. Терминологическое смешение в интерпретации данных	Не рекомендована к применению	1. <i>Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А.</i> Анализ методов диагностики отношений между детьми и родителями // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 3–20. 2. <i>Лидерс А. Г.</i> О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.
4	ОДРЭВ (Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия) Е. И. Захаровой	Отсутствует таблица средних и критериальных значений показателей, измеряемых тестом, приводится недостоверная формула подсчета результатов по каждой шкале, не позволяющая	Не рекомендована к применению	1. <i>Лидерс А. Г.</i> О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.

1	2	3	4	5
		получить обоснованный разброс значения параметров		
5	Методика «ОРО» (Опросник родительских отношений) А. Я. Варга и В. В. Столина	Не уравновешенность шкал, ключ искажен, формулировки многих утверждений некорректны. Количественные показатели утверждений по шкалам в таблице процентов не соответствуют количеству утверждений по шкалам в ключе. Отсутствуют дифференциальные нормы для родителей по половому и возрастному признакам, по количеству и полу детей	Методика диагностически неинформативна. Не рекомендуется к применению	1. Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А. Анализ методов диагностики отношений между детьми и родителями // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 3–20. 2. Лидерс А. Г. О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.
6	«Анализ семейного воспитания (АСВ)» Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса	Гипертрудоемка в применении и обработке данных. Идентичные критериальные нормы для детей и подростков	Высокий риск получения недостоверных данных. К применению не рекомендована	1. Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А. Анализ методов диагностики отношений между детьми и родителями // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 3–20. 2. Белобрыкина О. А. Этико-диагностическая компетентность работников образовательной и социальной сферы (на примере анализа случаев из практики) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 11–32.
7	Методика «СОМОР» (Субъективная оценка межличностных отношений ребенка) М. М. Семаго и Н. Я. Семаго	Широкий возрастной диапазон адресной группы (4,5–11 лет) при отсутствии дифференцированных возрастных норм	Непригодна для диагностики подростков. В дошкольном и младшем возрасте применять с осторожностью	1. Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А. Анализ методов диагностики отношений между детьми и родителями // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 3–20. 2. Лидерс А. Г. О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.

1	2	3	4	5
8	Методика «Детско-родительские отношения подростков (ДРОП)» (разработана под руководством О. А. Карабановой)	Трудоёмка в применении. Ключ формализован и не соответствует количеству заданных шкал. Отсутствуют параметры оценки ответов на блок «незавершённых фраз». Ряд вопросов в стимульном материале носит неконкретный характер и допускает субъективные комментарии диагноста, что влияет на качество ответов. Инструкция не соответствует требованиям однозначности	Не рекомендована к применению	1. <i>Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А.</i> Анализ методов диагностики отношений между детьми и родителями // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 3–20. 2. <i>Лидерс А. Г.</i> О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.
9	«Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии» И. М. Юсупова (авторское название «Тест эмпатийного потенциала личности»)	Отсутствует операционализация ключевого понятия, составляющего основной диагностический конструкт методики. Недостаточное количество утверждений по каждой шкале, что не позволяет делать объективные выводы о выраженности конкретного вектора эмпатии. Значительная доля содержания утверждений не соответствует заявленному предмету измерения. Формулировка отдельных утверждений стимульного материала не соотносится с наименованием шкал.	Методика непригодна к применению в психодиагностической практике ни для целей проведения научных исследований, ни при обследовании. Требует серьёзной методологической доработки	1. <i>Кирьянов Р. В.</i> Диагностика эмпатии: проблема психометрической состоятельности современных методик // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч. / под ред. О. Б. Ганпанцуровой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. Ч. 2. С. 188–191. 2. <i>Лимонченко Р. А., Лемясова Н. С.</i> Эмпатия и проблемы профессиональной пригодности диагностической процедуры (на примере анализа методики И. М. Юсупова) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 166–187.

1	2	3	4	5
		При оценке «достоверности» отдельные утверждения причисляются к разным типам ответов. Несоответствие методики основным психометрическим требованиям		
10	«Методика диагностики “помех” в установлении эмоциональных контактов» (вариативное название «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении») В. В. Бойко	Отсутствуют операционализация диагностического конструкта, информация о методологической основе, статистическое обоснование формулы расчета баллов при интерпретации данных, сведения о валидности, точности и надежности, об основании выбора наименования шкал, о возрастных границах. Формулировка отдельных утверждений не вполне корректна. Имеются несоответствия в ключах при начислении баллов за утверждения по отдельным шкалам	Не рекомендована к применению	1. <i>Прокотьева В. И.</i> Диагностика «помех» в установлении эмоциональных контактов В. В. Бойко: проблема состоятельности методики // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Ч. 2. С. 78–80. 2. <i>Сытченко В. А., Белобрыкина О. А.</i> Барьеры общения: анализ состоятельности диагностической методики выявления помех в межличностном общении (В. В. Бойко) // Экология образования: актуальные проблемы: сборник научных статей. Архангельск: Кира, 2016. Вып. 6. С. 10–16.
11	Методика «Диагностика межличностных отношений (ДМО)» Т. Лири (Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек)	Многообразие вариантов вторичной публикации теста, неидентичных друг другу. Диагностический конструкт не операционализирован и не соотнесен с системой релевантных конструктов. Отсутствие сведений о диапазоне выборочной совокупности при адаптации методики,	Множественные варианты методики диагностически несостоятельны, требуют качественной доработки, не рекомендованы к применению. Вариант методики, предложенный Л. Н. Собчик, может применяться, но с осторожностью и с учетом результатов анализа содержания теста,	1. <i>Белобрыкина О. А., Шлыкова Е. В.</i> Диагностика межличностных отношений: «русская рулетка» или что измеряем «брендовой» методикой (методика Т. Лири) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 3. С. 45–70.

1	2	3	4	5
		не обозначена адресная группа и ее возрастные границы. Множество смысловых несоответствий между наименованием октанта (блока) и входящих в него отдельных характеристик. Несоответствие требованиям надежности, точности и однозначности. Не представлена информация о статистически обоснованных методах подсчета и стандартизации тестовых баллов. Отсутствует единообразие в определении уровневых значений и их наименований. Обобщенность тестовых норм без дифференциации по возрастному диапазону; узость в интерпретации диагностических показателей	в совокупности с другими методиками	

В последние годы особую популярность во всех сферах социальной практики приобрели проективные методики, считающиеся в методологии психологии наиболее сложной категорией методов, требующие от пользователя высокого уровня профессионализма. Однако множество как классических, так и вновь разработанных и применяемых специалистами в повседневной практике проективных методик не обладают необходимой надежностью и содержательным качеством (табл. 5).

Таблица 5

Результаты анализа качества проективных методик

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	Проективная методика 8-цветовой тест М. Люшера (классический вариант), включая	Отсутствие научных подтверждений валидности применения извлекаемых в тесте оценок для	Методика полностью бесполезна в аттестационном и диагностическом контекстах,	1. Алёхин А. Н. Методологический диагноз психологической диагностике [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011.

1	2	3	4	5
	метод цветowych выборов (МЦВ)	диагностики личностных свойств (оценка валидности осуществлялась с использованием психометрически некачественных методик). Методика не чувствительна к оценке психических состояний. Ранжирование цветowych выборов радикально меняется в течение короткого времени, поэтому получить достоверные результаты не представляется возможным. Эмпирически дисквалифицирован модифицированный вариант методики (МЦВ)	включая вариации, созданные на ее основе («Цветовой тест отношений» А. М. Эткинда, «Цвето-социометрический метод» П. В. Яньшина, «Цветовые метафоры» И. Л. Соломина и др.)	<p>№ 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/pomer/pomer01.php (дата обращения: 02.10.2023).</p> <p>2. <i>Сугояев К. В.</i> Можно ли оценить личностные характеристики с помощью теста Люшера? // Психология. Психофизиология. 2019. Т. 12, № 2. С. 41–59.</p> <p>3. <i>Фер Р. М., Бакарак В. Р.</i> Психометрика: введение / пер. с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова; под ред. Н. А. Батурина, Е. В. Эйдемана. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2010. 445 с.</p> <p>4. <i>Шмелев А. Г.</i> О результатах цветодиагностического эксперимента [Электронный ресурс]. URL: https://ht-lab.ru/blog/o-rezultatakh-tsvetodiagnosticheskogo-eksperimenta/ (дата обращения: 02.10.2023).</p> <p>5. <i>Щербатых Ю. В.</i> Насколько метод цветowych выборов Люшера измеряет вегетативный компонент тревоги? // Прикладные информационные аспекты медицины. 2003. Т. 5, № 1-2. С. 108–113.</p>
2	Проективная методика «Человек под дождем» Е. Романовой и Т. Сытько	Предмет диагностики (диагностический конструкт) не операционализирован и не верифицирован. Отсутствует содержательная объективация интерпретационных признаков, используемых при анализе результатов диагностики	Методика является скорее развлекательным контентом. Диагностически неинформативна и не рекомендуется к применению	<p>1. <i>Астафьева В. В., Белобрыкина О. А., Валдайский Д. К.</i> К проблеме качества методического сопровождения обучения студентов проективной диагностики (на примере содержательного анализа методики «Человек под дождем») // Школа Л. С. Выготского: Всероссийская научно-практическая конференция студентов и аспирантов, посвященная юбилею Л. И. Божович (с международным участием) / под ред. Л. Ф. Баяновой. Казань: Казанский федеральный университет, 2013. С. 25–31.</p>

1	2	3	4	5
				<p>2. Белобрыкина О. А., Астафьева В. В., Валдайский Д. К. Проективная методика «Человек под дождем»: содержательный анализ, достоинства и недостатки // Роль и место психологии в формировании личности в условиях меняющегося мира: материалы межвузовской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Новосибирск: Новосибирский гуманитарный институт, 2013. С. 8–16.</p> <p>3. Белобрыкина О. А. Этико-диагностическая компетентность работников образовательной и социальной сферы (на примере анализа случаев из практики) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 11–32.</p>
3	<p>Проективная методика «Рисунок несуществующего животного (РНЖ)»</p>	<p>Отсутствуют сведения об авторе и истории создания. Предмет диагностики не конкретизирован. Широкая вариативность теоретического обоснования. Интерпретация данных не подтверждена. Сбор данных проведен на нерепрезентативной выборке. Возрастные границы адресной группы не уточнены</p>	<p>Не рекомендуется к применению в диагностической практике, в исследовательских целях</p>	<p>1. Ожеховская Л. В., Белобрыкина О. А. Профессиональная оценка проективной методики «Рисунок несуществующего животного» // Вестник практической психологии образования. 2008. № 1(14). С. 103–114.</p> <p>2. Щербатых Ю. В., Ермоленко П. И. Оценка валидности проективного теста «Рисунок несуществующего животного» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 4. С. 118–125.</p>
4	<p>Проективная методика диагностики адаптации к школьному обучению «Дерево» (вариативное название «Дерево с человечками») Дж. и Д. Лампен (в модификации</p>	<p>Поливариативный стимульный материал, нарушающий принцип единообразия. Научный подход и парадигма не указаны. Отсутствует информация о показателях и типе</p>	<p>Необходима качественная доработка. Не рекомендуется к применению</p>	<p>1. Гейдебрехт Н. А., Белобрыкина О. А. Адаптация к школьному обучению: анализ состоятельности диагностической методики «Дерево» (Л. П. Пономаренко) // Инновационные методы диагностики в психологии, педагогике, девиантологии, психиатрии и педологии:</p>

1	2	3	4	5
	Л. П. Пономаренко (эквивалентный вариант «Такие разные «Деревья»» О. Лашиной))	адаптации методики. Диагностический конструкт не операционализирован, инструкция объемна и сложна для восприятия, адресная группа не конкретизирована, интерпретация данных фрагментарна и не соответствует цели методики. Качественный анализ эмпирических данных не представлен		материалы I Международной научно-практической конференции / под ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 73–82. 2. <i>Гейдебреخت Н. А.</i> Диагностика адаптации к школьному обучению: проблема состоятельности методики // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 19–21 ноября 2014 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. Ч. 2. С. 15–18.
5	Методика «Косвенного исследования системы самооценок (КИСС)» Е. О. Федотовой	Операционализация ключевого понятия не представлена. Выборка по оценке конструктивной валидности не соответствует требованиям нормального распределения для адресной группы, возрастной диапазон которой не указан. Количественное соотношение характеристик в опросном бланке неравномерно и частично нарушен единый смысловой контекст	Требует существенной доработки. Недопустима к применению в диагностических целях и при проведении исследований	1. <i>Легачева Т. А.</i> Методика изучения самооценки личности: к вопросу о качестве современного диагностического инструментария // Роль и место психологии в формировании личности в условиях меняющегося мира: материалы межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (26 мая, 2015 г.). Новосибирск: Новосибирский гуманитарный институт, 2015. С. 35–40.
6	Проективная методика «Разноцветные двери: ассоциативный тест»	Отсутствуют сведения об авторе-разработчике, истории создания и области применения, о цели и предмете диагностики. Адресная группа не обозначена. Сведения о способах анализа ответов и об интерпретации	Методика является скорее развлекательным контентом. Не рекомендуется к применению в диагностической практике	1. <i>Белобрыкина О. А., Васина Е. В.</i> Влияние инновационных процессов на специфику создания проективных методик в современной практике психодиагностики // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ) / под науч.

1	2	3	4	5
		данных представлены фрагментарно. Смысловой контекст образа двери игнорируется		ред. М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 273–281.
7	Проективная методика «Кактус» М. А. Панфиловой	Отсутствуют сведения об истории создания, адекватная опора на методологию проективной психологии и контент-аналитический подход, сведения об области применения, предмет диагностики, его операционализация и верификация. Выбор показателей анализа и интерпретация не обоснованы	Низкие диагностическая информативность и содержательное качество методики. Структурно-содержательные характеристики требуют тщательной качественной доработки. Не рекомендуется к применению в диагностической практике и при проведении исследований	1. <i>Бутримова К. Ю., Васина Е. В., Федурин Е. А., Эрентраут В. А.</i> Проективные методы диагностики в современных социокультурных условиях: актуальные проблемы разработки и практики применения // <i>РЕМ: Psychology. Educology. Medicine.</i> 2016. № 2. С. 100–122.
8	Проективная методика «Волшебный сундук»	Отсутствуют сведения об авторе и области применения; предмет диагностики, его операционализация и верификация; методологическое обоснование интерпретации результатов	Методика является скорее развлекательным контентом. Непригодна к применению в диагностической практике	1. <i>Устинова Ю. П., Белобрыкина О. А.</i> Диагностический ширпотреб: проблема проективной популярности в современном информационном пространстве // <i>Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири.</i> 2017. № 3. С. 89–100.
9	Психометрический тест С. Деллингер	Отсутствуют объективные основания для получения взвешенных выводов о личностных качествах испытуемых	Не рекомендуется применять тест для отбора персонала и для экспресс-диагностики личностных особенностей клиентов в ситуации оказания психологической помощи	1. <i>Тукачев Ю. А.</i> О валидности популярного психометрического теста С. Деллингер [Электронный ресурс]. URL: https://forum.ht-line.ru/threads/o-validnosti-populjarnogo-psixogeometricheskogo-testa-s-dellinger.368/ (дата обращения: 02.10.2023). 2. <i>Шмелев А. Г.</i> Зигзаг, лживый квадрат и... больше ничего [Электронный ресурс]. URL: https://ht-lab.ru/blog/zigzag-lzhivyy-kvadrat-i-bolshe-nichego/ (дата обращения: 02.10.2023). 3. <i>Щербатых Ю. В., Мосина А. Н.</i> К вопросу

1	2	3	4	5
				о валидности психогео- метрического теста // Модер- низация отечественного педагогического образования: материалы междунаро- дной научно-практической конференции. Воронеж: Во- ронезжский государственный педагогический университет, 2006. Т. 2. С. 143–144.
10	Проективная методика «Дорога к дому» Е. Назаренко	Отсутствуют четкое обозначение предмета диагно- стики и области применения полу- ченных данных; сведения об истории создания; обозначение мето- дологической базы, научного направле- ния, данных о вы- борке, на которой разрабатывалась методика, о воз- растных границах адресной группы, четкость и логич- ность в определе- нии хода работы. Обширный способ фиксации данных, интерпретация ре- зультатов достаточ- но фрагментарна	Методика является скорее развлека- тельным контентом. Не рекомендуется к применению в диагностической практике	1. <i>Кириянов Р. В.</i> Анализ диагностической состоятель- ности проективной методики «Дорога к дому» (Е. Наза- ренко): анализ // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: материалы VI Всероссийской студенче- ской научно-практической конференции с междунаро- дным участием: в 2-х ч. / под ред. О. Б. Ганпанцуровой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. Ч. 2. С. 184–188.
11	Проективная методика «Не дай человеку упасть»	Отсутствуют сведе- ния об авторе-раз- работчике, истории создания методики, апробации, о на- дежности; пред- мет диагностики; целевая аудитория, возрастная специфика. Разработана вне контент-анали- тической пара- дигмы, не имеет концептуальной опоры. Методика не соответствует психометрическим требованиям.	Методика является скорее развлека- тельным контентом. Не рекомендуется к применению в диагностической практике и при про- ведении исследо- ваний	1. <i>Калинина Ю. А., Белобрыкина О. А.</i> «Не дай человеку упасть»: анализ качества проективной методики // СМАЛЬТА. 2023. № 4. С. 16–30.

1	2	3	4	5
		Интерпретация полученных данных не имеет научного обоснования		

Исходя из представленных в табл. сведений, очевидно, что пристрастие специалистов помогающих профессий к некачественным «проективным методикам, явно выбираемым в силу их особых возможностей для преодоления “эффекта фасада”, становится губительным» [14, с. 200] не только для диагноста, но и для диагностируемого.

К особой категории измерительных процедур можно с полным основанием отнести методики, предлагаемые для применения в девиантологической практике. Это обусловлено тем, что, в отличие от других направлений диагностики, девиантология не обладает достаточным количеством собственных психодиагностических методов, и специалисты зачастую неправомерно обращаются к использованию клинических методик, находящихся в свободном доступе, качество которых также вызывает сомнение. Вместе с тем, востребованность в социальной практике диагностического инструментария девиантологической направленности чрезвычайно высока, и, прежде всего, для осуществления адекватной профилактики и коррекции отклоняющегося поведения, т. к. от успеха этих мер «зависит и психологическая безопасность отдельной личности, и благополучие общества в целом» [14, с. 194]. Проведенный М. И. Кошеновой анализ программ профилактики девиантного поведения и криминальной вовлеченности, реализуемых образовательными учреждениями в работе с подростками, показал, что применение специалистами неадекватного психодиагностического инструментария, не предназначенного для измерения заявленных индикаторов, качеств и т. п., «приводит к заведомому искажению получаемых результатов» [14, с. 199].

Примечательно, что и то незначительное число методик, применяемых в диагностике отклоняющегося поведения, не отличается необходимым качеством (табл. 6).

Таблица 6

Результаты анализа качества тестов на определение показателей отклоняющегося поведения

№	Название методики	Результаты анализа	Рекомендации по применению	Источник
1	2	3	4	5
1	Методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП)» А. Н. Орла	Недостаточная четкость в обосновании подхода, в рамках которого конструировалась методика. Отсутствуют сведения о стандартизации, валидации и других психометрических	Применение методики нецелесообразно и профессионально неэтично в диагностической деятельности, при проведении научных исследований по педагогике, психологии и других социальных наук	1. Солоницына М. А., Питайкина А. А., Лимонченко Р. А. Диагностическая информативность методики «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел): проблемы практического применения // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 199–231.

1	2	3	4	5
		<p>показателях методики. Наличие нарушений в ключе по обработке данных. Утверждения и шкалы, к которым они относятся, не гомогенны. Отдельные вопросы участвуют в обработке по несколько раз, относясь одновременно к нескольким шкалам. Отсутствуют дифференцированные возрастные нормативы. Опросник нуждается в качественной содержательной и методологической доработке</p>		<p>2. Шаманаева М. А., Дудко Л. А., Стаценко Д. С. К вопросу о качестве диагностического инструментария для выявления склонности к девиантному поведению (на примере анализа учебного пособия) // ПЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3. С. 122–139.</p>
2	<p>Методика «Склонность к девиантному поведению (СДП)» Э. В. Леус и А. Г. Соловьева</p>	<p>Методология эклектична. Смешение понятий, принадлежащих разным подходам и научным парадигмам. Конкретизация содержательной трактовки шкал отсутствует. Нет данных о достоверности различий между группами респондентов. Не представлены сведения о надежности, объективизации тестовых и возрастных норм. Формулировки отдельных утверждений не соотнесены по смыслу с вариантами ответов для повышения гомогенности шкал. Высокий риск ложноположительных результатов.</p>	<p>Методика не рекомендуется к применению в психодиагностической практике ни для целей проведения научных исследований, ни при обследовании</p>	<p>1. Белобрыкина О. А., Овчаренко А. Г. Склонность к девиантному поведению: диагностическая дилемма (на примере анализа методики «СДП» Э. В. Леус, А. Г. Соловьева) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2022. № 1. С. 25–85.</p>

1	2	3	4	5
		Тест требует тщательной методологической доработки		
3	Методика «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Р. Роджерса и Р. Ф. Даймонд (в адаптации А. К. Осницкого)	В большинстве публикаций представлена искаженная персонификация одного из авторов. Отсутствуют операционализация ключевого понятия, концептуальная основа измерительной процедуры, информация об адресной группе, трактовка содержания шкал. Не представлены психометрические характеристики теста. В утверждениях стимульного материала методики обнаружены неточности, смысловые несоответствия диагностическому конструкту. Содержание интегральных показателей не раскрывается, шкалы не уравновешены по количеству утверждений. Ключ для обработки данных искажен. Качественная интерпретация данных не представлена. Большая часть шкал методики диагностически неинформативна	Вариант адаптации, предлагаемый А. К. Осницким, требует качественной содержательной доработки. Не рекомендуется для использования ни в диагностических, ни в исследовательских целях	1. Белобрыкина О. А., Дроздова А. В. Социально-психологическая адаптация: проблемы измерения (на примере анализа методики К. Р. Роджерса и Р. Ф. Даймонд) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 3. С. 10–41.
4	«Тест на выявление любовной аддикции» А. Ю. Егорова	Область применения методики ограничена, т. к. создан для реализации задач психотерапии. Широкая распространенность	Не рекомендуется к использованию в психодиагностике для постановки квалифицированного диагноза (клинического,	1. Белобрыкина О. А., Титова А. А. Диагностический ресурс теста на выявление любовной аддикции // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 3. С. 42–61.

1	2	3	4	5
		и доступность методики. Отсутствует информация об операционализации ключевого понятия, адресной группе, о возрастном диапазоне выборки стандартизации, надежности и валидности методики. Обладает достаточным диагностическим ресурсом, информативным в девиантологической практике, но при условии его качественной стандартизации и устранения содержательных недостатков	психологического) и формулирования прогноза. В экспериментально-исследовательской деятельности может применяться как дополнительная, пилотная и только в комплексе со стандартизованными, отвечающими требованиям психометрического качества методиками	
5	Методика готовности следовать социальным нормам «Шкала совестливости» В. М. Мельникова и Л. Т. Ямпольского	Измеряемый конструкт не операционализирован и не верифицирован. Интерпретация результатов формализована. Сведения о психометрической состоятельности отсутствуют. Некорректность формулировки ряда утверждений	Методика неинформативна и не рекомендована к применению	1. Шаманаева М. А., Дудко Л. А., Стаценко Д. С. К вопросу о качестве диагностического инструментария для выявления склонности к девиантному поведению (на примере анализа учебного пособия) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3. С. 122–139.

Вне всякого сомнения, качеством применяемых в этой области методик определяются судьбы несовершеннолетних, сломать которые можно легко и быстро, а восстановить практически невозможно, причем, по мысли М. И. Кошеновой, в случае организации работы с девиантными подростками «“диагностический коллапс” становится особо разрушительным» [14, с. 200].

Как видно из сводных табл., значительная доля диагностических процедур, востребованных пользователями, не соответствует требованиям научности и содержательного качества, что, вероятно, и обуславливает обширность проблемных зон в современной психодиагностической практике. Кратко остановимся на некоторых из них:

1. К настоящему времени издано катастрофически мало качественных работ по практической диагностике, позволяющих профессиональным пользователям восполнить пробел в области технологии создания методологически состоятельных

тестовых процедур, психометрии и анализа уже имеющихся психодиагностических методов [3; 4; 10; 13; 19; 21; 24].

2. Экстраординарная распространенность методологически несостоятельных, содержательно некачественных методик и их востребованность и специалистами, и дилетантами. В этой связи К. В. Сугоняев вполне обоснованно замечает, что современная «Россия оказывается не только абсолютным импортером тестов, но и в незавидной роли потребителя тестовых отбросов» [20, с. 249].

3. Большинство зарубежных вариантов методик, используемых специалистами, по мнению К. В. Сугоняева, является продуктом несанкционированного заимствования, т. е. представляют собой контрафакт [20]. А. Г. Шмелев убежден, что контрафактная продукция в психодиагностике – это самообман, псевдометодики, а не тесты [1]. Автор полагает, что перенос любых западных социальных технологий без надлежащей адаптации на российскую почву, дает только отрицательный эффект [25]. Практически все предлагаемые пользователям зарубежные методики, «якобы прошедшие полную адаптацию на российской выборке» – это, полагает Л. Ф. Бурлачук, «неполноценный продукт, не научно обоснованный и проверенный тест, а суррогат, только в красивой упаковке». В качестве аргумента автор приводит пример Санкт-Петербургского издательства Иматон, предлагающего всем желающим «покупать шкалу Векслера для измерения уровня интеллекта взрослых в редакции 1955 г. Права на это издание Иматон не имел и не имеет, это, конечно, очень плохо, но еще хуже то, что психологам предлагают давно устаревший тест, да еще и с ошибками, не говоря уже о сомнительных данных по его стандартизации» [11, с. 31].

4. Зачастую выбор методик осуществляется пользователями либо «методом тыка», либо исходя из результатов поиска информации по предмету диагностики в сети интернет. К. В. Сугоняев считает, что рейтинг популярности тестов не может рассматриваться в качестве адекватной оценки их реальной полезности и психометрического качества [20].

5. Диагностический инструмент весьма сомнительного качества «спускается» сверху в качестве обязательного (в образовании, психологической, социальной и профессиональной практике (в частности, отбор в структуры МВД, МЧС и др.) и пр.) и требует официальной отчетности по вышестоящей линии, причем процесс сбора и обработки данных подвергается жесткому административному контролю [7; 8].

6. Жизнедеятельность современного человека сопровождается чередой стрессогенных факторов, причем в ряде случаев (в образовании, социальной практике, оценке профсоответствия и пр.) диагностика, сводимая к имитации специалистами бурной деятельности, играет далеко не последнюю роль. По мнению Л. Н. Собчик, психодиагностика не сводится к формальным, простым измерительным процедурам. «Исследование личности – это искусство, во-первых, владения многими тестами в их сравнительном анализе, во-вторых, оно приходит с опытом, для освоения которого нужен и особый склад личности» [1, с. 56].

7. Небезопасность большинства методик, применяемых пользователями из числа специалистов помогающих профессий, т. к. практически все они многократно опубликованы в разнообразных пособиях, практикумах, а также доступны в интернете со стимульным материалом, ключами и интерпретацией. На просторах телекоммуникационных сетей не составляет труда разыскать и рекомендации, как избежать

нежелательных результатов при поступлении или трудоустройстве в ту или иную структуру. По мысли Н. А. Батурина, «методика, однажды выставленная в Интернете или опубликованная полностью, – это мертвая методика. Профессионалу нужно просто вычеркнуть ее из списка используемых» и рекомендуемых к применению [1, с. 66]. Позиция автора правомерна и потому, что российские недобросовестные издатели тестов и пользователи, продолжая распространять и применять «продукцию интеллектуального труда разработчиков, даже не понимают, что использование бесплатных тестов – это кража, нарушение авторских прав разработчиков» [1, с. 85], а, значит, их действия попадают под юрисдикцию законодательства РФ.

8. В диагностической практике распространена противоречивая тенденция определения значимости полученных результатов, которая «либо резко переоценивается, либо недооценивается, причем некоторые пользователи приписывают ответственность за ошибки при тестировании разработчикам, не понимая, что это они сами – прежде всего сами – несут ответственность за выбор и адекватное применение инструмента» [23, с. 53].

Даже фрагментарный перечень проблемных зон позволяет сформулировать понятие диагностического риска и обозначить возможные причины его возникновения.

Под **диагностическим риском** мы понимаем действия диагноста как уже совершенные, так и вероятные, грозящие субъекту опасностью постановки ложноположительного, недостоверного, необъективного, неквалифицированного или ятрогенного и т. п. диагноза (формулирования заключения), не позволяющего разработать для него адекватные рекомендации или подобрать оптимальные средства социально-психологической профилактики, коррекции, психотерапии, реабилитации и пр., или методы для саморазвития, самоопределения.

Можно полагать, что диагностические риски в профессиональной практике обусловлены преимущественно низким уровнем или несформированностью психодиагностической культуры значительного числа специалистов помогающих профессий как пользователей [8; 11; 14], что выражается в:

1) низким уровне знаний (или их недостаточной актуализации) в области смежных отраслей науки (прежде всего, общей, возрастной, социальной и педагогической психологии, в частности, – законы и закономерности развития в онто-, филогенезе, особенности социально-психологического развития на разных возрастных этапах), значимых при реализации диагностической деятельности;

2) незнании (или низким уровне знаний) основ методологии психодиагностики и психометрии, включая концептуальные положения контент-аналитической парадигмы (в русле которой создаются проективные методики, пользующиеся особым спросом);

3) незнании или безответственном отношении к принципам профессиональной этики;

4) несформированном или неавтоматизированном умении вычленять запрос на основе анализа локус-жалобы, формулировать диагностическую гипотезу и для ее проверки осуществлять отбор адекватных и методологически состоятельных диагностических процедур;

5) правовой безграмотности пользователей, несоблюдении авторских прав на применяемые методики (применение не аналоговых, а контрафактных вариантов методик, неправомерное использование психодиагностических методик, располо-

женных в сети Интернет, сборниках тестов, пособиях и практикумах, нарушающих права авторов-разработчиков);

6) обращении к источникам нецивилизованного рынка распространения диагностического инструментария, публикующим методики непроверенного качества, использование пиратских версий;

7) несоблюдении границ профессиональной компетентности при отборе и использовании диагностических процедур (например, педагоги применяют сугубо психологические тесты и методики, психологи – клинические и даже психиатрические (например, «Метод портретных выборов» Л. Сонди, тест «Пятна» Г. Роршаха и др.) и т. п., ряд из которых также не обладает необходимым качеством [17]);

8) неумении или неспособности оценить качество планируемых к использованию или применяемых психодиагностических методик;

9) использовании исходно методологически несостоятельного, содержательно искаженного диагностического инструментария;

10) минимизации финансовых ресурсов при выборе методик и тестов (отсутствует возможность приобретения дорогостоящих методик, ряд из которых, к тому же, не обладают достаточной информативностью и содержательным качеством);

11) низком уровне или несформированной способности к решению диагностических задач при исходно малом числе признаков, противоречивом характере результатов, полученных разными методами, к системному анализу и обобщению диагностических данных;

12) склонности к реализации непрофессиональных подходов в диагностической практике (рецептурный, узколабораторный, комплексный, но ригидный, гипердиагностический, гиподиагностический);

13) беспрекословном подчинении требованиям вышестоящих органов к обязательному применению рекомендованных ими методик, многие из которых не обладают необходимым диагностическим качеством (например, в системе МВД в перечень обязательных для определения профсоответствия кандидатов включены тесты ММРІ, М. Люшера, методики «12 животных» и «Человек под дождем»; в образовании – тотальное применение социально-психологического тестирования [7; 8]);

14) низком уровне или несформированной способности к рефлексии собственной профессиональной деятельности.

Анализ непосредственной профессиональной деятельности специалистов (на основе диагностических протоколов, заключений по результатам диагностики и т. п.) показывает, что вся современная практика психодиагностики в большей мере сводится к реализации:

1) технологии «фальшь-диагностики» (термин предложен Л. Ф. Чупровым), когда процедура постановки психологического диагноза осуществляется непроверенными или искаженными методиками, применяется непрофессиональное или неадекватное употребление для подготовки диагностического заключения терминологии из психиатрии и смежных с психологией областей;

2) процедуры фантом-диагностики (термин предложен М. И. Кошеновой), когда формулирование диагностического заключения строится на основе одного показателя с «подтягиванием» под него остальных параметров, и конструирование в психологическом заключении в большей мере «придуманного» образа, т. е. того, каким, по мнению специалиста, должен быть диагностируемый им [7; 22]. Распространение подобных непрофессиональных стратегий привело к тому, что практическая

и прикладная диагностика в настоящее время доведены, по сути, до уровня абсурдизации, итог которой – «диагностическая инквизиция» [8, с. 25].

В сложившейся ситуации нельзя не согласиться с мнением А. Эверса, члена голландского комитета по тестам и тестированию, утверждавшим, что «с точки зрения защиты пользователей и клиентов потребность в информации об относительно плохих тестах может быть даже выше, чем информация о хорошо сконструированных» [28, с. 151].

Согласно профессиональным требованиям к диагностам-пользователям, атрибуция ответственности за качество выполнения запроса (включая выбор метода, его адекватное применение и получение с его помощью таких результатов, которым можно доверять) полностью лежит на самом специалисте [1; 10; 23]. Здесь вступают в права этические принципы, регламентирующие его деятельность, главным из которых для широкого спектра социально-психологической практики является принцип «Не навреди!» [22, с. 127], поэтому «забота о качестве диагностического инструментария является центральным компонентом профессионального мировоззрения» [28, с. 153].

Очевидно, что до тех пор, пока специалисты не осознают степень персональной ответственности за применяемые методики, снижения доли диагностических рисков в профессиональной практике ожидать не приходится. В противном случае, любые разработки методов для частных областей психологической диагностики и их применение в широкой социально-психологической практике могут привести к эклектическому хаосу.

Выводы. Проблема распространения диагностической некомпетентности и псевдонаучной диагностики актуализировала необходимость обращения к анализу качества современного диагностического инструментария, используемого специалистами помогающих профессий, и определения вероятностных рисков, обусловленных их применением. Библиографический и текстологический анализ позволил охарактеризовать проблемные зоны современной психодиагностической практики, осуществить отбор и рассмотрение публикаций, посвященных вопросам теории, методологии и практики психологической диагностики, обобщить информацию о качестве отдельных психодиагностических процедур.

Результаты теоретического анализа позволят профессионально мотивированным специалистам (и будущим, и уже практикующим), реализующим диагностическую функцию, отрефлексировать персональный уровень психодиагностической культуры как пользователей, наметить стратегию по ее повышению, что позволит снизить проявление диагностических рисков.

Список источников

1. *Акимова М. К., Базаров Т. Ю., Балунов А. Б.* Интервью-прогноз // Психология. Журнал Высшей экономической школы. 2008. Т. 5, № 4. С. 44–85.
2. *Алехин А. Н.* Методологический диагноз психологической диагностике [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2011. № 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php (дата обращения: 09.11.2023).
3. *Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2009. 688 с.
4. *Батурин Н. А.* Современная психодиагностика России: преодоление кризиса и решение новых проблем // Психология. Психофизиология. 2010. № 40(216). С. 4–12.
5. *Белобрыкина О. А.* Диагностика в современной социально-психологической практике: проблемы качества измерительного инструментария // Современная реаль-

ность в социально-психологическом контексте – 2023: сборник научных трудов / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 52–62.

6. *Белобрыкина О. А.* Диагностика в современной девиантологии: конфликт востребованного и реального // Психология деструктивного поведения: факторы риска и профилактика: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. И. Ю. Тархановой. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2023. С. 21–29.

7. *Белобрыкина О. А., Кошенова М. И.* Нормативно-правовые риски конструирования девиантности в современной реальности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 33–54.

8. *Белобрыкина О. А.* Этико-диагностическая компетентность работников образовательной и социальной сферы (на примере анализа случаев из практики) // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 2. С. 11–32.

9. *Бертрам Д.* Стандарты тестов, квалификация и сертификация пользователей тестов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2011. Вып. 12, № 5(222). С. 15–24.

10. *Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М.* Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2007. 688 с.

11. *Бурлачук Л. Ф.* Психологические тесты в Украине: вчера, сегодня, завтра // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Психология. 2008. Вып. 3, № 33. С. 29–32.

12. *Виноградова Т. В.* Добросовестность в научных исследованиях: аналитический обзор / отв. ред. Е. Г. Гребенщикова. М.: ИНИОН РАН, 2017. 74 с.

13. *Клайн П.* Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование. Киев: Ника-Центр, 1994. 284 с.

14. *Кошенова М. И.* К вопросу о качестве программ профилактики противоправного поведения несовершеннолетних // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2023: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, М. И. Кошеновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. С. 193–202.

15. *Лидерс А. Г.* О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.

16. *Лубовский В. И., Переслени Л. И., Семаго М. М.* О публикациях психодиагностических материалов // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 133–137.

17. Психиатрический тест Сонди «заглянет вам в душу» и выявит ваши скрытые черты и страхи [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZE6cxHrjEGU3B5tD> (дата обращения: 18.12.2023).

18. *Сабанин П. В.* Приключения теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра в СССР и России: дефективно-детективная история // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 3. С. 227–241.

19. *Сугоняев К. В., Лазуткин В. И., Шарафутдинова Н. В.* Учебно-методическое пособие по разработке, экспертизе (оценке соответствия психометрическим требованиям), внедрению и применению психодиагностических методик в отборе персонала. Одинцово: Одинцовский гуманитарный университет, 2015. 63 с.

20. *Сугоняев К. В.* О психометрическом качестве тестовых «брендов» // Развитие теории и практики профессионального психологического отбора в Вооруженных Силах нового облика: материалы научно-практической конференции / под общ. ред. Ю. Н. Тучкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2012. С. 228–252.

21. *Фер Р. М., Бакарак В. Р.* Психометрика: введение / пер. с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова; под ред. Н. А. Батурина, Е. В. Эйдмана. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2010. 412 с.

22. Чупров Л. Ф. Психологическая диагностика в работе практического психолога // Вестник практической психологии образования. 2009. Т. 6, № 4. С. 124–127.
23. Шмелев А. Г. Тест как оружие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 2. С. 40–53.
24. Шмелев А. Г. Тестология – это не только психометрические тесты // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 4. С. 61–75.
25. Шмелев А. Г. 16-PF в России или «каша из топора» [Электронный ресурс]. URL: <https://ht-lab.ru/blog/16pf-v-rossii-ili-kasha-iz-topora/> (дата обращения: 09.11.2023).
26. Этический кодекс психолога [Электронный ресурс]. URL: <http://psygus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (дата обращения: 01.10.2023).
27. Этический кодекс педагога-психолога службы практической психологии образования России [Электронный ресурс] // Школьный психолог. 2003. № 34. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200303403> (дата обращения: 06.10.2023).
28. Evers A. The Internationalization of Test Reviewing: Trends, Differences, and Results // International Journal of Testing. 2012. Vol. 12, iss. 2. P. 136–156.
29. Ferguson C. J., Heene M. A Vast Graveyard of Undead Theories: Publication Bias and Psychological Science's Aversion to the Null // Perspectives on Psychological Science. 2012. Vol. 7, iss. 6. P. 555–561.
30. Link H. C. Employment Psychology: The Application of Scientific Methods to the Selection, Training and Rating of Employees. Whitefish, Montana: Kessinger Publishing, 1919. 452 p.

References

1. Akimova M. K., Bazarov T. Yu., Balunov A. B. Interview-Prognosis. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2008, vol. 5, no. 4, pp. 44–85. (In Russian)
2. Alyokhin A. N. Methodological diagnosis of psychological diagnosis [Electronic resource]. *Medical psychology in Russia*, 2011, no. 2. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer01.php (date of access: 09.11.2023). (In Russian)
3. Anastasi A., Urbina S. Psychological testing. Saint Petersburg: Peter, 2009, 688 p. (In Russian)
4. Baturin N. A. Modern psychodiagnostics in Russia: overcoming the crisis and solving new problems. *Psychology. Psychophysiology*, 2010, no. 40(216), pp. 4–12. (In Russian)
5. Belobrykina O. A. Diagnostics in modern socio-psychological practice: problems of quality of measuring tools. Modern reality in the socio-psychological context – 2023: collection of scientific papers. Und. the scient. ed. by O. A. Belobrykina, M. I. Koshenova. Novosibirsk: Publishing House of NSPU, 2023, pp. 52–62. (In Russian)
6. Belobrykina O. A. Diagnostics in modern deviantology: the conflict of demanded and real. Psychology of destructive behavior: risk factors and prevention: materials of the All-Russian scientific-practical conference. Und. the scient. ed. by I. Yu. Tarkhanova. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2023, pp. 21–29. (In Russian)
7. Belobrykina O. A., Koshenova M. I. Normative-legal risks of constructing deviance in modern reality. *Bulletin on pedagogy and psychology of South Siberia*, 2019, no. 2, pp. 33–54. (In Russian)
8. Belobrykina O. A. Etiko-diagnostic competence of workers of educational and social sphere (on the example of analyzing cases from practice). *Bulletin on pedagogy and psychology of South Siberia*, 2019, no. 2, pp. 11–32. (In Russian)
9. Bertram D. Test standards, qualification and certification of test users. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 2011, iss. 12, no. 5(222), pp. 15–24. (In Russian)
10. Burlachuk L. F., Morozov S. M. Dictionary-guide on psychodiagnostics. Saint Petersburg: Peter, 2007, 688 p. (In Russian)

11. Burlachuk L. F. Psychological tests in Ukraine: yesterday, today, tomorrow. *Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology*, 2008, iss. 3, no. 33, pp. 29–32. (In Russian)
12. Vinogradova T. V. Integrity in scientific research: Analytical review. Ed. by E. G. Grebenshchikova. Moscow: INION RAS, 2017, 74 p. (In Russian)
13. Kline P. Reference guide to test construction: an introduction to psychometric design. Kiev: Nika-Center, 1994, 284 p. (In Russian)
14. Koshenova M. I. To the question of the quality of programs for the prevention of illegal behavior of minors. Modern reality in the socio-psychological context – 2023: materials of VII All-Russian scientific-practical conference with international participation. Und. the scient. ed. by O. A. Belobrykina, M. I. Koshenova. Novosibirsk: Publishing House of NSPU, 2023, pp. 193–202. (In Russian)
15. Lidars A. G. About the culture of publications of psychodiagnostic methods. *Psychological Diagnostics*, 2003, no. 2, pp. 44–53. (In Russian)
16. Lubovsky V. I., Peresleni L. I., Semago M. M. About publications of psychodiagnostic materials. *Voprosy Psichologii*, 1997, no. 1, pp. 133–137. (In Russian)
17. Sondhi's psychiatric test will "look into your soul" and reveal your hidden traits and fears [Electronic resource]. URL: <https://dzen.ru/a/ZE6cxHpjEGU3B5tD> (date of access: 18.12.2023). (In Russian)
18. Sabanin P. V. Adventures of R. Amthauer's Intelligence Structure Test in the USSR and Russia: Defective and Detective History. *History of Russian Psychology in Faces: Digest*, 2017, no. 3, pp. 227–241. (In Russian)
19. Sugonyaev K. V., Lazutkin V. I., Sharafutdinova N. V. Training and methodological manual on the development, expertise (assessment of compliance with psychometric requirements), implementation and application of psychodiagnostic techniques in personnel selection. Odintsovo: Odintsovo University of the Humanities, 2015, 63 p. (In Russian)
20. Sugonyaev K. V. On the psychometric quality of test "brands". Development of theory and practice of professional psychological selection in the Armed Forces of the new look: materials scientific-practical conference. Und. the gen. ed. by Yu. N. Tuchkov. Moscow: VAGSH VS RF, 2012, pp. 228–252. (In Russian)
21. Fehr R. M., Bakarak V. R. Psychometrics: Introduction. Transl. from English by A. S. Naumenko, A. Yu. Popov; ed. by N. A. Baturin, E. V. Eidman. Chelyabinsk: South Ural State University, 2010, 412 p. (In Russian)
22. Chuprov L. F. Psychological diagnostics in the work of a practical psychologist. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2009, vol. 6, no. 4, pp. 124–127. (In Russian)
23. Shmelev A. G. Test as a weapon. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2004, vol. 1, no. 2, pp. 40–53. (In Russian)
24. Shmelev A. G. Testology is not only psychometric tests. *Bulletin on Pedagogy and Psychology of South Siberia*, 2019, no. 4, pp. 61–75. (In Russian)
25. Shmelev A. G. 16-RF in Russia or "porridge from an axe" [Electronic resource]. URL: <https://ht-lab.ru/blog/16pf-v-rossii-ili-kasha-iz-topora/> (date of access: 09.11.2023). (In Russian)
26. Ethical Code of the Psychologist. *Russian Psychological Society* [Electronic resource]. URL: <http://psyrus.ru/rpo/documentation/ethics.php> (date of access: 01.10.2023). (In Russian)
27. Code of Ethics of a Pedagogical Psychologist of the Russian Educational Practical Psychology Service [Electronic resource]. *School Psychologist*, 2003, no. 34. URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200303403> (date of access: 06.10.2023). (In Russian)
28. Evers A. The Internationalization of Test Reviewing: Trends, Differences, and Results. *International Journal of Testing*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 136–156.
29. Ferguson C. J., Heene M. A Vast Graveyard of Undead Theories: Publication Bias and Psychological Science's Aversion to the Null. *Perspectives on Psychological Science*, 2012, vol. 7, iss. 6, pp. 555–561.

30. Link H. C. *Employment Psychology: The Application of Scientific Methods to the Selection, Training and Rating of Employees*. Whitefish, Montana: Kessinger Publishing, 1919, 452 p.

Информация об авторе

О. А. Белобрыкина – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Information about the author

O. A. Belobrykina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, belobr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 12.01.2024.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 12.01.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07

Оценка продуктивности опосредованного запоминания понятия сомнение в методике «Пиктограммы»

Галина Николаевна Ходинская¹

¹Новосибирский областной детский клинический психоневрологический диспансер, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлена попытка стандартизации оценки результативности опосредованного запоминания понятия сомнение, используемого в методике «Пиктограммы» в качестве слова-стимула. Актуальность исследования обусловлена высокой вероятностью субъективного подхода при интерпретации результатов припоминания слова-стимула «сомнение» вследствие его абстрактного происхождения. Показана метакогнитивная природа данного понятия, слово-стимул «сомнение» предстает как интеллектуальная эмоция преимущественно негативного оттенка, связанная с возникновением эпистемической тревоги. Методы исследования. В данном исследовании использовалась проективная методика «Пиктограммы» в версии Б. Г. Херсонского и метод качественного анализа с привлечением исследований психолингвистического направления. В эмпирической части статьи представлены описание и интерпретация результатов запоминания понятия *сомнение*, полученных на выборке из 226 испытуемых в возрасте от 18 до 75 лет преимущественно мужского пола, направленных на обследование с целью установления психической нормы. В результате качественного и количественного анализа определены ближайшие синонимы понятия *сомнение* в контексте его двойственной природы как интеллектуальной эмоции, метакогнитивного переживания. При анализе опосредованного запоминания испытуемым этого слова-стимула предлагается оценивать синонимы в 0,5 балла. В перечень синонимичных понятий вошли: неуверенность, недоверие, подозрение, скептицизм, нерешительность, неопределенность в выборе, раздумье, размышление, рассуждение, думать, чтобы найти/принять решение, колебание в выборе. В заключении статьи подчеркивается, что интроспективное понимание испытуемыми самого процесса сомнения может отражать степень эффективности (адаптивности) схем их метакогниций на стадии когнитивного диссонанса, которая и запускает переживание сомнения, влияющего на процесс принятия решений. Эпистемическое переживание сомнения занимает важное место в сфере коррекции склонности человека к созданию когнитивных искажений. Следовательно, изучение опосредованного запоминания понятия сомнение вносит еще один аспект в анализ стратегий когнитивной деятельности личности в ситуации неопределенности.

Ключевые слова: слово-стимул «сомнение», метод пиктограмм, стандартизация оценки результата, интеллектуальная эмоция, метакогнитивное переживание.

Для цитирования: Ходинская Г. Н. Оценка продуктивности опосредованного запоминания понятия сомнение в методике «Пиктограммы» // Развитие человека в современном мире. 2024. № 1. С. 48–60.

Original article

Assessment of productivity of mediated memorization of the concept doubt in the method "Pictograms"

Galina N. Khodinskaya¹

¹*Novosibirsk Regional Children's Clinical Psychoneurological Dispensary, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article presents an attempt to standardize the assessment of the effectiveness of indirect memorization of the concept doubt, used in the "Pictograms" method as a stimulus word. The relevance of the study is due to the high probability of a subjective approach when interpreting the results of recalling the stimulus word "doubt" due to its abstract origin. The metacognitive nature of this concept is shown; the stimulus word "doubt" appears as an intellectual emotion of a predominantly negative connotation, associated with the emergence of epistemic anxiety. Research methods. This empirical and methodological study used the projective "Pictograms" technique in the version of B. G. Khersonsky and the method of qualitative analysis involving psycholinguistic research. The empirical part of the article presents a description and interpretation of the results of memorizing the concept of doubt, obtained on a sample of 226 people aged 18 to 75 years, predominantly male subjects, sent for examination to establish a mental norm. As a result of qualitative and quantitative analysis, the closest synonyms of the concept of doubt were determined in the context of its dual nature as an intellectual emotion and metacognitive experience. When analyzing the subjects' indirect memorization of this stimulus word, synonyms are asked to be assessed at 0,5 points. The list of synonymous concepts includes: uncertainty, distrust, suspicion, skepticism, indecision, uncertainty in choice, meditation, meditation, reasoning, thinking to find/make a decision, hesitation in choice. In conclusion, the article emphasizes that the subjects' introspective understanding of the process of doubt itself may reflect the degree of effectiveness (adaptiveness) of their metacognition schemes at the stage of cognitive dissonance, which triggers the experience of doubt affecting the decision-making process. The epistemic experience of doubt occupies an important place in the field of correcting a person's tendency to create cognitive distortions. Consequently, the study of indirect memorization of the concept of doubt introduces another aspect into the analysis of the strategies of a person's cognitive activity in a situation of uncertainty.

Keywords: stimulus word "doubt", pictogram method, standardization of result assessment, intellectual emotion, metacognitive experience.

For citation: Khodinskaya G. N. Assessment of productivity of mediated memorization of the concept doubt in the method "Pictograms". *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 48–60. (In Russ.)

Введение. Методика «Пиктограммы», разработанная в начале XX в. Л. С. Выготским, А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьевым для исследования опосредованного запоминания, в настоящее время широко используется с учетом ее проективного компонента для исследования личности, мышления, эмоциональной сферы, а также в клинической психологии с целью выявления специфики отклонений в этих сферах. Уровень и особенности опосредованного запоминания, получаемые с помощью данной методики, позволяют определить широкий спектр не только мнестических факторов, но и описать индивидуальные свойства мышления и восприятия человека.

В конце XX в. Б. Г. Херсонский адаптировал методику «Пиктограммы», превратив ее в стандартизированный психодиагностический инструмент, предоставляющий широкие возможности для качественного и количественного анализа получаемых образов. Один из количественных показателей, который он привнес в анализ пиктограмм – показатель продуктивности, отражающий количество правильно воспроизведенных понятий спустя час после окончания исследования. Точно воспроизведенное понятие в этом варианте методики оценивается в 1 балл, приблизительное воспроизведение (например, радость вместо счастья) – 0,5 балла [17, с. 53].

Исходя из трудов Б. Г. Херсонского, а также других авторов [12], право определения степени приблизительности воспроизведения понятия предоставляется исследователю, проводящему методику «Пиктограммы». Такая задача с минимумом субъективного влияния позиции исследователя может быть успешно выполнена при работе с понятиями, включающими в себя простое логико-смысловое отношение (например, счастье, которое ассоциируется с положительными эмоциями, и может быть связано с такими понятиями, как радость, восторг или веселье). При обращении с понятиями, отражающими сложное логико-смысловое отношение, анализ степени приблизительности результата припоминания более подвержен субъективному влиянию исследователя, т. к. в большей степени зависит от личной трактовки стимула. Поэтому точный подбор наиболее близких семантических связей сложного понятия становится актуальным для чистоты эксперимента.

В данной статье исследуется стимул «сомнение», как одно из таких понятий. Проблема стандартизации стимула «сомнение» возникла, когда обнаружились противоречия в оценке результатов при анализе продуктивности результатов припоминания. Например, экспериментатор может в одной ситуации присвоить такому ответу испытуемого, как «задумчивость» или «думать» 0,5 балла, а в другой ситуации или другой исследователь не рассматривает эти ответы как синонимичные стимулу. Искажение оценки, видимо, связано с оценкой категории «раздумье», которую Б. Г. Херсонский изначально представил в качестве синонима слова «сомнение». «Задумчивость» и «думать» – однокоренные с ним слова, что может влиять на восприятие экспериментатора и его оценку результатов испытуемого. В дальнейшем были выявлены и другие спорные подходы к оцениванию результатов методики. Возникла необходимость стандартизации системы оценки выдаваемых ретенций на слово-стимул «сомнение». Для лучшего понимания проблемы рассмотрим природу того явления, которое мы называем «сомнением».

Сомнение представляет собой психическое состояние, объективно присущее любому индивиду, возникающее на основе эмоциональных и интеллектуальных реакций, которые, в свою очередь, стимулируют мыслительную деятельность [5, с. 135].

Процесс формирования сомнения имеет сложную структуру. Первоначально оно возникает, как неосознанная реакция, ощущение несоответствия, которое еще не получает возможности быть обоснованным путем анализа ситуации/информации (например, «смутные сомнения»). Этот этап отражает психофизиологические возможности человека. Причем сомнение может и не возникнуть по причине отсутствия критического мышления у индивида. Следующий этап – ментальная деятельность – сопровождается проявлением интеллектуальных чувств, устойчивых психических состояний, имеющих четко выраженный предметный характер. Интеллектуальные чувства направлены не на достижение цели, а на обработку информации, поэтому ментальная операция, сопровождающаяся оценкой ситуации («переживанием со-

стояния») предшествует принятию решения. Сомнение соотносится с мыслительной операцией и представляет собой анализ выявленных противоречий с целью их разрешения. Вместе с тем выработка собственной позиции или формулирование убеждения как конечный результат уже не может быть определено как сомнение [5].

Эмоциональная сторона сомнения часто относится исследователями к негативному спектру переживаний в виде неуверенности, душевного разлада, опасения, колебания и подозрений [21]. В научной литературе существует термин «эпистемическое состояние», условием возникновения которого является «расположение некоторой порцией сведений» [20, с. 84]. Л. Н. Юровицкая определяет основное отличие сомнения от других эпистемических состояний (знание, полагание, допущение и т. д.) в том, что при сомнении субъект занимает вероятностную и негативную когнитивную позицию при оценке истинности рассматриваемого суждения [20].

Исследователь когнитивных особенностей незнания S. Arfini указывает на то, что оттенок эпистемической природы сомнения также обозначал К. Хуквэй в 1998 г., который назвал «эпистемической тревогой» нежелательное и раздражающее чувство, возникающее из-за недоверия субъекта к собственным убеждениям и заставляющее его воздерживаться от них. В теориях принятия решений этот термин представляет собой силу, определяющую, сколько доказательств мы склонны собирать, и насколько тщательно мы их взвешиваем, прежде чем принять решение. Это ощущение воспринимается как следствие сознательной негативной реакции на комплекс убеждений субъекта, которую можно понять как состояние сомнения [22, с. 57]. Ряд авторов относит сомнение к метакогнитивным переживаниям, т. е. к сознательным субъективным переживаниям, сопровождающим работу когнитивных процессов и отражающим характер их протекания [15, с. 227].

Итак, сомнение является эпистемическим состоянием, метакогнитивным переживанием и представляет собой интеллектуальную эмоцию преимущественно негативного оттенка. Сомнение может появиться в задачах на припоминание, в процессах решения задач и принятия решений [2].

Методы. В данном эмпирическом и методическом исследовании рассматривались результаты проективной методики «Пиктограммы» в версии Б. Г. Херсонского, полученные в 2022 г. при обследовании 226 человек в возрасте от 18 до 75 лет на базе ГБУЗ НСО «Тогучинская ЦРБ» (выборка была представлена испытуемыми мужского пола, не имевшими диагноза психиатрического профиля, направленными на обследование с целью установления психической нормы). Осуществлен анализ интерпретации результатов припоминания понятия *сомнение* с целью выделения его семантического поля, с этой целью использовался метод качественного анализа с привлечением исследований психолингвистического направления.

Б. Г. Херсонский и другие клиницисты отмечают, что при работе с пиктограммами испытуемые с органическим поражением головного мозга наибольшие затруднения испытывают с такими абстрактными понятиями, как обман, развитие, справедливость, сомнение, вражда.

Специфика сомнения также проявляется в том, что для этого стимула не выделены стандартные образы. Среди повторяющихся образов можно увидеть вопросительный знак (либо «?!»), лица с мимикой сомнения (поднятые брови), кинетическое выражение сомнения (палец, приставленный ко лбу, пожимание плечами), ромашку (любит/не любит), развилку дорог, неопределенную фигуру (сомнение – неопределенность). Примеры редких образов: математический символ неопреде-

ленности, самолет (сомневаюсь, полетит ли он), телефон (символ ожидания, которое не кончается) [17].

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно полученным результатам, среди повторяющихся образов, используемых для запоминания слова-стимула «сомнение» присутствовали: вопросительный знак (26,1 %); лица с мимикой сомнения – асимметричная мимика – ухмылки, прищуренный глаз, неравномерно поднятые брови (5,75 %); кинетический образ в виде руки, прикасающейся к голове – чешет голову, когда сомневаюсь, за голову держимся (9,7 %); обозначения ситуации выбора – развилки (символы противоположных направлений в виде стрелок, перекрестки), маятники, два одинаково нужных предмета, двое людей, весы, ангел и демон (24,3 %); символ неопределенности/приблизительности в виде значка ~ (3,98 %); тема неизвестности – облака, глубина лужи, туман, лед (4,86 %).

Для обозначения ситуации сомнения в другом человеке испытуемые рисуют человеческую фигуру (5,3 %); встречаются рисунки, указывающие на процесс мышления (голова, мозг, мыслительные диалоговые окошки) – 15,9 %; недоверие к получаемой информации, подозрение в отношении человека, надписей в магазине и т. д. – 3,53 %; негативные эмоции, связанные с сомнением (грусть, хмурость, напряжение) – 4,86 %; протрация, ступор, непонимание, незнание, руминация (пожимание плечами, разведение руками) – 7,07 %.

Редкие образы встречались либо у лиц с высокими показателями когнитивных функций, либо у лиц с признаками психопатологии. Редкие образы обозначения стимула «сомнение» у лиц с высокими показателями когнитивных функций больше всего проявляются в тематике выбора: «маятник в движении» (0,44 %); «лицо со сморщенным лбом» и рядом – указательный камень со списком – «Когда человек думает, он лоб морщит. А на камне написано: “Налево пойдешь...”» (0,44 %); две таблетки из фильма «Матрица» (0,44 %).

Приведем также примеры редких обозначений образа сомнения у лиц с признаками психопатологии или уже установленным диагнозом:

а) ряд из рисунков (солнце, дождь, снег). Сомнение о погоде. Припоминание успешное (F60.3. Эмоционально неустойчивое расстройство личности. Каннабиноиды и алкоголь в анамнезе);

б) человек, который скрестил руки, не опознается, выглядит как снежинка и кружок сверху. «Когда человек сомневается, у него изо рта брызги, и он совсем плохой». Припоминание успешное, т. к. рисунок был подписан (подозрение на психопатию по органическому типу);

в) машина. «Подниму или нет? Сомневаюсь». Припоминание: «Тяжело поднять машину» (F06.6. Органическое эмоциональное лабильное [астеническое] расстройство с выраженным интеллектуальным снижением после инсульта);

г) волны, корабль. «Доплывет – не доплывет?». Припоминание: «Опасность» (F07.8. Другие органические расстройства личности и поведения, обусловленные болезнью, травмой и дисфункцией головного мозга);

д) голова человека, у которого волосы дыбом. «Сомнением движет страх. Это недоверие к окружающим». Припоминание успешное (F42.8. Другие обсессивно-компульсивные расстройства);

е) круг. «Сказал и не сделал – пустое место». Припоминание безуспешное (F70.0. Умственная отсталость);

ж) грабли. «Наступлю – не наступлю?». Припоминание: «Удивление» (пограничная гипомания по СМИЛ).

В результате качественного анализа полученного материала выявлена следующая тенденция: испытуемые с психопатологическими признаками, сопровождаемыми когнитивным снижением, демонстрируют затруднения при дифференцировке, определении понятия сомнение и чаще всего выделяют его негативный эмоциональный компонент, игнорируя интеллектуальный. Такие испытуемые описывают сомнение как «волнение», «когда брызги изо рта, и человек совсем плохой», «нахмуренные брови», «губы уголками вниз», «растерянность», «когда разводят руками», «когдажимают плечами», «когда ковыряют в носу».

Результаты припоминания при такой интерпретации являются неуспешными (отсутствует какое-либо обозначение), либо припоминаемые слова достаточно далеки по смыслу от слова-стимула: непонимание, растерянность, задумчивость, разочарование. Такие припоминаемые слова скорее можно отнести к обозначению состояния фрустрированности, т. е. они отражают фрустрацию умственной деятельности. По-видимому, здесь имеет место не метакогнитивное переживание сомнения, а метакогнитивное переживание незнания или тупика.

Тупик – состояние решателя проблемы, при котором исчерпаны все возможные действия, направленные на решение задачи. Тупик в решении задачи может быть обоснованным, если у решателя в опыте действительно отсутствуют необходимые знания, и необоснованным, если у решателя имеются необходимые знания, но он их не использует. Субъективный тупик характеризуется чувством исчерпания всех возможностей, объективный тупик может проявляться как период бездействия по отношению к задаче [10].

Ассоциативные связи с понятием сомнение, полученные при систематизации комментариев к рисункам и результатов припоминания, можно разделить на несколько групп: 1) «неуверенность», «недоверие», «подозрение» (7,07 %); 2) «неизвестность», «неопределенность» (2,21 %); 3) «незнание», «недопонимание», «непонимание», «растерянность», «озадаченность», «недоумение» (4,86 %); 4) «задумчивость» (3,98 %); 5) «раздумье», «размышление», «рассуждение», «думать, чтобы найти, принять решение», просто «думать» (7,52 %); 6) «выбор» (2,65 %).

Можно предположить, что поскольку слово «сомнение» выражает мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей, понятия «неуверенность», «недоверие» и «подозрение» являются синонимичными понятию «сомнение», поскольку в них ставится вопрос о достоверности некоторого факта. Следовательно, данные понятия, полученные в качестве результатов припоминания, можно оценивать в 0,5 балла, как и понятие «скептицизм», которое испытуемыми не озвучивалось, но также родственно понятию «сомнение» в контексте восприятия факта как несоответствующего реальному опыту.

Исследователи М. Braslow, J. Guerretaz, R. Arkin и др. связывают сомнение с фактором неопределенности, который дает повод для колебаний или неуверенности [23, с. 471].

При уточнении понятия «неопределенность» исследователь М. В. Михина в своей статье «Неопределенность: основные характеристики и определение» приводит изыскания R. W. Norton, который на основании контент-анализа научных текстов выделил восемь категорий: множественность суждений, неточность, незавершенность, фрагментация; вероятность; неструктурированность; дефицит информации;

сомнение; несогласованность и противоречивость; непонятность [13, с. 140]. Вероятно, называя при припоминании лексему «неопределенность», испытуемые могут иметь в виду любую из данных восьми категорий, причем, необязательно «сомнение». С другой стороны, именно на картинку к слову «сомнение» у них и ассоциирована «неопределенность». Состояние неопределенности связано с процессом сомнения, т. е. может запустить данный процесс. Но чтобы понять при интерпретации результатов методики, связана ли эта неопределенность с когнитивной составляющей, предлагается при ответе «неопределенность» задавать уточняющий вопрос: «В чем неопределенность?» Например, словосочетание «неопределенность в выборе» можно назвать синонимичным понятию «сомнение» (0,5 балла), а словосочетание «неопределенность в будущем» относится к категории «дефицит информации» (0 баллов).

В самом общем виде неопределенность понимается как «нечто неоднозначное, содержащее элементы случайности и неизвестности» [19, с. 423]. В таком случае, неизвестность является лишь одним из компонентов неопределенности и не может считаться синонимичной понятию «сомнение», как и понятие «незнание», которое вместе с неизвестностью можно отнести к дефициту информации (0 баллов).

Группа понятий «недопонимание», «непонимание», «растерянность» («замешательство»), «озадаченность», «недоумение» связана с затруднениями в процессе понимания. Здесь при интерпретации результатов может вызвать сложность понятие «озадаченность», т. к. его смысл связан с задачей. Однако состояние озадаченности не может быть принято в качестве активного когнитивного процесса, поскольку оно скорее связано с реакцией фрустрации на необходимость решения задачи. Рассуждая о семантической целостности русских глагольных приставок, Е. Р. Добрушина сформулировала единое абстрактное толкование приставки о-/об- следующим образом: «...действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо» [18, с. 135]. Ум человека, находящийся в состоянии озадаченности, «обтекает мыслью» периферию задачи, но не способен вникнуть в ее суть и обнаружить альтернативы ее решения.

Слово «замешательство» можно рассматривать как обозначение эмоции, которая возникает в ответ на трудности во время получения информации и ее применения, что часто наблюдалось в различных ситуациях обучения. Замешательство следует за когнитивным неравновесием, которое возникает при конфликте между новой информацией и предшествующими знаниями человека, или когда текущая структура знаний человека не может усвоить новую информацию [26].

Если познавательные процессы личности способны переключаться с фрустрации, вызванной когнитивным неравновесием, на анализ ситуации, тогда и может возникнуть сомнение. Однако часть индивидуумов не способна к данному переходу, например, лица с органическим расстройством личности [4, с. 62] застревают на патологически избыточной генерации возможных вариантов развития событий, например, при обсессивно-компульсивном расстройстве, когда нарушен адаптивный механизм обработки метакогнитивного опыта на фоне навязчивых необоснованных сомнений и неуверенности [25]. С учетом описанных выше факторов считаем, что ответы «недопонимание», «непонимание», «растерянность», «озадаченность», «замешательство», «недоумение» должны оцениваться как 0 баллов.

Возвращаясь к оценке продуктивности опосредованного запоминания, важно отметить, что у Б. Г. Херсонского [17] «раздумье» приравнено к «сомнению» без объяснений. Возможно, автор руководствовался смысловым сходством фраз «Я в со-

мнении» и «Я в раздумьях». Однако данные понятия неполностью синонимичны, хотя само слово «раздумье» воспринимается с тем же негативным эмоциональным оттенком, что и «сомнение». Согласно данным Е. М. Алексеевой и Л. И. Гиматовой, оценочное ассоциативное поле когнитивного психического состояния «раздумье» состоит из ядра «долгое» (30 % респондентов), околоядерный слой заполняют прилагательные «большое», «глубокое», «задумчивое», «умное» (по 7 %). Периферия представлена такими оценочными ассоциациями, как «странное», «быстрое», «мучительное», «тягостное», «тяжелое», «полное», «волнительное», «уникальное», «сложное» [1].

При изучении вопроса глагольных лексем И. В. Мухачёва пишет о том, что глагольные лексемы с приставкой раз- означают ликвидацию результата действия [14, с. 232]. Соответственно, глагол «раздумывать» имеет отношение к интеллектуальному действию, результат которого должен быть ликвидирован (изменен), и, возможно, должны быть ликвидированы именно сомнения. Следовательно, понятие «раздумье» относится к процессу сомнения, что заслуживает оценки 0,5 балла.

Понятия «размышление», «рассуждение» также имеют приставку раз-/рас-. Рассуждать – значит, прежде всего, формулировать вопросы, а затем искать ответы – объяснять, предсказывать, доказывать, опровергать, убеждать, подвергать сомнению [11, с. 133]. Это является основанием оценивать ответ «рассуждение» в 0,5 балла.

Под лексемой «размышление» Т. В. Жеребило, общепризнанный языковед в сфере когнитологии и психолингвистики, понимает один из видов (жанров) рассуждения, в котором можно отметить обращенность автора речи к читателю или слушателю, связанную с желанием разобраться в ряде проблемных вопросов, до конца понять не только особенности предмета размышления, но и свои мысли, чувства [9, с. 297]. Синонимичность этой лексемы со словом «рассуждение» и выраженность установки на решение проблемы дают возможность оценивать ответ «размышление» в 0,5 балла.

Ответ «думать, чтобы найти/принять решение» также подразумевает активацию мышления с целью решения проблемы, в ходе которой личность будет выбирать правильный вариант решения, подвергая сомнению каждую из альтернатив. Следовательно, этот ответ также может быть оценен в 0,5 балла.

Результат припоминания, представленный словом «думать», в чистом виде предлагается оценивать в 0 баллов, т. к. процесс думания связан с осуществлением любой мыслительной деятельности: как с решением задачи, так и с формулированием высказываний; данный процесс также может иметь как продуктивный, так и непродуктивный характер, например, происходить в виде руминации.

Анализ слова «задумчивость» обнаруживает наличие в нем приставки за-. Согласно исследованиям филологов, интенсивные значения, выражаемые приставкой «за» в современном русском языке, немногочисленны:

а) чрезмерно продолжительное значение из группы количественно-интенсивных способов действия (обозначается чрезмерная частотность или продолжительность действия, в результате чего объект приобретает отрицательно оцениваемое состояние, например, закусать, заиграть, забаловать, зачитать (до дыр) и т. д.), или иначе: «довести кого-, что-либо до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощенности) посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: заводить «долго вода, довести до утомления...»;

б) чрезмерно длительное значение из группы терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных способов действия (выражается чрезмерное проявление длительности или интенсивности разового действия исходного глагола, например, засидеться, замечтаться и т. д.), иначе: «в течение длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться»: забегаться (разг.) как «устать от длительного бега» ;

в) смягчительное значение из группы количественно-интенсивных способов действия (выражается ослабленная, неполная степень проявления результативного действия, например, запилить, замыть, застирать и т. д.), это значение в «Русской грамматике» определяется следующим образом: «распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на часть предмета» [6, с. 113].

В случае глагола «задуматься» для его интерпретации более всего подходит второй вариант, обозначающий чрезмерно длительное действие, т. е. задумавшийся человек погружается в думы чрезмерно долго и даже может от этого утомиться, без указаний на результат или целенаправленную активность. Следовательно, задумчивость по своим метакогнитивным параметрам ближе к руминации, чем к сомнению, т. к. представляет собой неадаптивную стратегию метакогнитивного контроля.

Руминации являются ригидными паттернами самореферентного мышления, выступая неблагоприятным фактором этиологии и патогенеза целого ряда психических нарушений, к которым, в первую очередь, относятся тревожно-депрессивные, личностные и тревожно-фобические расстройства. Наличие высоко ригидных руминаций, самосфокусированности на негативных мыслях о себе в настоящем, прошлом и будущем приводит к неспособности справляться с жизненными трудностями. Руминации – это сводное обозначение разных способов неадаптивного мышления, класс осознанных мыслей, которые циркулируют вокруг определенной темы и поддерживаются внешней средой [16, с. 69].

Следовательно, в случае припоминания понятия «задумчивость» в ответ на слово-стимул «сомнение» испытуемый должен получить 0 баллов.

Слово «выбор» само по себе не является синонимичным понятию «сомнение», т. к. отражает результат взаимодействия мышления и мотивационной сферы, которому предшествовал процесс сомнения. Но непосредственно страх ошибиться, колебания при выборе нужного решения составляют сложный комплекс чувств и эмоций, обозначенный лексемой «сомнение» в русском языке [8]. Следовательно, если к слову «выбор» в результате припоминания добавляется лексема, указывающая на его (выбора) незавершенность, в этом случае ответ можно принимать за синонимичный «сомнению» (и оценить в 0,5 балла), например, «колебания в выборе» [3, с. 22]. В эту группу также можно включить и «нерешительность» с оценкой 0,5 балла.

Заключение. Данное исследование проводилось с целью стандартизации оценки припоминания понятия *сомнение*, используемого в методике «Пиктограммы». Психолингвистический анализ позволил определить ближайшие синонимы этого понятия в контексте его двойственной природы, обозначающей интеллектуальную эмоцию, что позволяет при анализе опосредованного запоминания испытуемого оценить в 0,5 балла такие ответы, как «неуверенность», «недоверие», «подозрение», «скептицизм», «нерешительность», «неопределенность в выборе», «раздумье», «размышление», «рассуждение», «думать, чтобы найти/принять решение», «колебание в выборе».

Сомнение как метакогнитивное переживание может появиться в задачах припоминания, процессах решения задач и принятия решений. Поэтому интроспективное понимание испытуемыми самого процесса сомнения может отражать степень эффективности (адаптивности) схем их метакогниций на стадии когнитивного диссонанса, которая и запускает переживание сомнения, влияющего на процесс принятия решений.

Если субъект в качестве сомнения воспринимает фрустрацию или руминацию, это может послужить маркером его когнитивных затруднений, нарушения способности к рефлексии и критике своего состояния. Эпистемическое переживание сомнения занимает важное место в сфере коррекции склонности человека к созданию когнитивных искажений [24]. Изучение опосредованного запоминания такого понятия, как *сомнение*, открывает дополнительную перспективу применения метода пиктограмм, позволяя осуществлять анализ стратегий когнитивной и метакогнитивной деятельности личности в ситуации неопределенности и восприятия новой информации.

Список источников

1. Алексеева Е. М., Гиматова Л. И. Речевая ассоциативная репрезентация психических состояний: оценочный аспект // *Филология и культура*. 2018. № 1(51). С. 6–12.
2. Амалайнен А. В. Метакогнитивные переживания [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/metakognitivnye-perezhivaniia-3456dc/?v=4945617> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Антонова Л. Е., Никольская И. Г. Языковое воплощение дискомфортных эмоций в современном русском языке (на примере стыда и сомнения) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. № 43-1. С. 21–27.
4. Вандыш-Бубко В. В., Микадзе Ю. В., Пилечев Д. А., Велисевич Д. В. Возможности нейропсихологической диагностики психических расстройств в практике судебной психиатрии // *Доктор.Ру*. 2021. Вып. 20, № 9. С. 60–65.
5. Водоватова Т. Е., Скоробач Н. Ю. Структура сомнения как категории текста // *Вестник Международного института рынка*. 2017. Вып. 2. С. 135–141.
6. Годизова З. И. Формирование семантической структуры приставки за- // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008. Сер. 9. Вып. 2, Ч. 2. С. 112–117.
7. Емельянова Л. Ю. Модальный компонент высказываний сомнения // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2010. Вып. 1, № 3. С. 154–160.
8. Желонкина Т. П. Эксплицитные средства выражения сомнения в современном английском языке // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2019. № 1(817). С. 151–162.
9. Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов*. Назрань: Пилигрим, 2010. 5-е изд., испр. и доп. 486 с.
10. Коровкин С. Ю. Тупик (в психологии) [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/tupik-v-psikhologii-bca5b8/?v=3051381> (дата обращения: 27.05.2022).
11. Коротков Е. А. Рассуждение // *Дискурс-Пи*. 2013. № 3. С. 133–134.
12. Лонгинова С. В. *Исследование мышления больных шизофренией методом пиктограмм* / сост. Н. Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2000. 2-е изд., испр. и доп. 289 с.
13. Михина М. В. Неопределенность: основные характеристики и определение // *Инновационная наука*. 2018. № 5-2. С. 140–143.

14. Мухачёва И. В. Представление семантико-синтаксических глаголов со значением ликвидации результата действия в словарном формате // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2021. № 1. С. 232–240.
15. Тихонов Р. В., Аммалайнен А. В., Морошкина Н. В. Многообразие метакогнитивных чувств: разные феномены или разные термины? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Вып. 8, № 3. С. 214–242.
16. Труевцев Д. В., Сагалакова О. А. Руминации в контексте метакогниций, неадаптивных схем и психической ригидности // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-2. С. 69–72.
17. Херсонский Б. Г. Метод пиктограмм в психодиагностике. СПб.: Речь, 2003. 3-е изд., перераб. и доп. 120 с.
18. Цзинь Т. Русская приставка о-/об как реализация трех моделей движения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 110–140.
19. Черноусова Т. В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4, № 4. С. 421–434.
20. Юровицкая Л. Н., Доброва В. В. Моделирование когнитивного пространства эпистемических состояний // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4(22). С. 83–89.
21. Якубова Н. М. Изучение сомнения в современной науке // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 159–162.
22. Arfini S. Ignorant cognition: a philosophical investigation of the cognitive features of not-knowing. *Studies in Applied Philosophy, Epistemology and Rational Ethics*. Springer. 2019. Vol. 46. 192 p.
23. Braslow M., Guerretaz J., Arkin R. Self-Doubt // *Social and Personality Psychology Compass*. 2012. Vol. 6/6. P. 470–482.
24. Moritz S., Andreou C., Schneider B. Sowing the seeds of doubt: a narrative review on metacognitive training in schizophrenia // *Clinical Psychology Review*. 2014. Vol. 34. P. 358–366.
25. Vazard J. (Un)reasonable doubt as affective experience: obsessive-compulsive disorder, epistemic anxiety and the feeling of uncertainty // *Synthese*. Vol. 198. P. 6917–6934.
26. Zhang Y., Paquette L., Baker R. Can Strategic Behaviour Facilitate Confusion Resolution? The Interplay Between Confusion and Metacognitive Strategies in Betty's Brain // *Journal of Learning Analytics*. 2021. Vol. 8(3). P. 28–44.

References

1. Alekseeva E. M., Gimatova L. I. Speech associative representation of physical states: evaluation aspect. *Philology and Culture*, 2018, no. 1(51), pp. 6–12. (In Russian)
2. Ammalainen A. V. Metacognitive experiences [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/metakognitivnye-perezhivaniia-3456dc/?v=4945617> (date of access: 20.09.2022). (In Russian)
3. Antonova L. E., Nikolskaya I. G. Linguistic embodiment of uncomfortable emotions in the modern Russian language (using the example of shame and doubt). *News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen*, 2007, no. 43-1, pp. 21–27. (In Russian)
4. Vandysh-Bubko V. V., Mikadze Yu. V., Pilechev D. A., Velisevich D. V. Possibilities of neuropsychological diagnosis of mental disorders in the practice of forensic psychiatry. *Doctor.Ru*, 2021, iss. 20, no. 9, pp. 60–65. (In Russian)
5. Vodovatova T. E., Skorobach N. Yu. The structure of doubt as a category of text. *Bulletin of the International Market Institute*, 2017, vol. 2, pp. 135–141. (In Russian)

6. Godizova Z. I. Formation of the semantic structure of the prefix za-. *Bulletin of Saint Petersburg University*, 2008. Ser. 9, vol. 2, part 2, pp. 112–117. (In Russian)
7. Emelyanova L. Yu. Modal component of statements of doubt. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2010, iss. 1, no. 3, pp. 154–160. (In Russian)
8. Zhelonkina T. P. Explicit means of expressing doubt in modern English. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 2019, no. 1(817), pp. 151–162. (In Russian)
9. Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: Pilgrim, 2010, 5th ed., rev. and add., 486 p. (In Russian)
10. Korovkin S. Yu. Deadlock (in psychology) [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/tupik-v-psikhologii-bca5b8/?v=3051381> (date of access: 27.05.2022). (In Russian)
11. Korotkov E. A. Reasoning. *Discourse-Pi*, 2013, no. 3, pp. 133–134. (In Russian)
12. Longinova S. V. Study of the thinking of patients with schizophrenia using the pictogram method. Comp. N. L. Belopolskaya. Moscow: Kogito-Center, 2000, 2nd ed., rev. and add., 289 p. (In Russian)
13. Mikhina M. V. Uncertainty: main characteristics and definition. *Innovative Science*, 2018, no. 5-2, pp. 140–143. (In Russian)
14. Mukhacheva I. V. Representation of semantic-syntactic verbs with the meaning of eliminating the result of an action in a dictionary format. *Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology*, 2021, no. 1, pp. 232–240. (In Russian)
15. Tikhonov R. V., Ammalainen A. V., Moroshkina N. V. Diversity of metacognitive feelings: different phenomena or different terms? *Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 214–242. (In Russian)
16. Truevtsev D. V., Sagalakova O. A. Rumination in the context of metacognitions, non-adaptive schemes and mental rigidity. *News of Altai State University*, 2011, no. 2-2, pp. 69–72. (In Russian)
17. Khersonsky B. G. Method of pictograms in psychodiagnostics. Saint Petersburg: Rech, 2003, 3rd ed., rev. and exp., 120 p. (In Russian)
18. Jin T. Russian prefix o-/ob as the implementation of three models of movement. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2019, no. 59, pp. 110–140. (In Russian)
19. Chernousova T. V. Strategies for living in a situation of uncertainty as a subject of socio-psychological analysis. *Human Psychology in Education*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 421–434. (In Russian)
20. Yurovitskaya L. N., Dobrova V. V. Modeling the cognitive space of epistemic phenomena. *Human Science: Humanitarian Research*, 2015, no. 4(22), pp. 83–89. (In Russian)
21. Yakubova N. M. Study of doubt in modern science. *Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanities*, 2015, no. 68, pp. 159–162. (In Russian)
22. Arfini S. Ignorant cognition: a philosophical investigation of the cognitive features of not-knowing. *Studies in Applied Philosophy, Epistemology and Rational Ethics*. Springer, 2019, vol. 46, 192 p.
23. Braslow M., Guerretaz J., Arkin R. Self-Doubt. *Social and Personality Psychology Compass*, 2012, vol. 6/6, pp. 470–482.
24. Moritz S., Andreou C., Schneider B. Sowing the seeds of doubt: a narrative review on metacognitive training in schizophrenia. *Clinical Psychology Review*, 2014, vol. 34, pp. 358–366.
25. Vazard J. (Un)reasonable doubt as affective experience: obsessive–compulsive disorder, epistemic anxiety and the feeling of uncertainty. *Synthese*, vol. 198, pp. 6917–6934.
26. Zhang Y., Paquette L., Baker R. Can Strategic Behaviour Facilitate Confusion Resolution? The Interplay Between Confusion and Metacognitive Strategies in Betty's Brain. *Journal of Learning Analytics*, 2021, vol. 8(3), pp. 28–44.

Информация об авторе

Г. Н. Ходинская – медицинский психолог, Новосибирский областной детский клинический психоневрологический диспансер, г. Новосибирск, Россия, galikhodi@gmail.com

Information about the author

G. N. Khodinskaya – medical psychologist, Novosibirsk Regional Children's Clinical Psychoneurological Dispensary, Novosibirsk, Russia, galikhodi@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 19.01.2024.

The article was submitted 11.01.2024; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 19.01.2024.

Развитие человека в современном мире. 2024. № 1
Human Development in the Modern World. 2024, no. 1

Научная статья

УДК 159.9.072

Особенности эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии

Камолиддин Батырович Кадыров¹

¹*Ташкентский университет социальной инновации,
Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии. Актуализирована значимость исследования особенностей эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии, т. к. для каждого человека характерны индивидуальные варианты сочетаний латеральных признаков, образующих индивидуальные профили латеральности, которые определяют индивидуальные особенности эмоциональных качеств личности. Отмечено, что довольно часто большинство педагогов, психологов образовательных учреждений в своей работе не учитывают особенности индивидуального профиля функциональной асимметрии учащихся и студентов, по которым можно понять особенности протекания ряда психических процессов, а также и эмоциональные качества личности. Исследование особенностей эмоциональных качеств юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии является достаточно трудоемкой задачей, поскольку сложная система автономных процессов межполушарного взаимодействия затрудняет понимание ряда закономерностей, объясняющих проявление эмоциональных качеств личности. Приведены результаты эмпирического исследования на выборке, которую составили 94 респондента, из них 60 – учащиеся 3 курса академического лицея при Туринском политехническом университете и 34 студента Национального университета Узбекистана. В целом, выборку составили 33 девушки и 61 юноша. С целью определения индивидуального профиля асимметрии и эмоциональных качеств личности был применен следующий методический инструментарий: авторская методика выявления индивидуального профиля функциональной асимметрии, самооценочный тест «Характеристики эмоциональности» (Е. П. Ильин), методика «ТиД» (Ю. Л. Ханин), «Диагностика состояния стресса» (А. О. Прохоров), методика изучения эмоциональной напряженности и «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман и Д. Рикс).

В результате сравнительного анализа установлено, что девушки с преобладанием правой руки (левого полушария) переживают больше негативные эмоции, тогда как при доминировании левой руки (правого полушария) повышается уровень регуляции в стрессовых ситуациях; у девушек с ведущей правой ногой отмечаются более высокие уровни депрессивности и интенсивности эмоций, тогда как преобладание левой ноги связано с проявлением таких эмоциональных качеств как энергичность, приподнятость, чувство уверенности в себе; у юношей при преобладании правого уха отмечаются повышенные показатели длительности эмоций, а при преобладании левого

уха чаще всего наблюдается состояние душевного покоя, смирения и умиротворенности; у девушек преобладание левого глаза связано с проявлением отрицательного влияния эмоций на психику, тогда как у юношей преобладание правого глаза связано с чувством уверенности в себе.

Ключевые слова: индивидуальный профиль функциональной асимметрии, моторные и сенсорные асимметрии, эмоциональные качества личности, уровень регуляции в стрессовых ситуациях, девушки и юноши, сравнительный анализ.

Для цитирования: Кадыров К. Б. Особенности эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии // Развитие человека в современном мире. 2024. № 1. С. 61–71.

Original article

Features of emotional qualities of personality of male and female young people with different individual asymmetry profiles

Kamoliddin B. Kadyrov¹

¹*Tashkent University of Social Innovation,
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. In this article the results of a study of the features of emotional qualities of personality of male and female young people with different individual asymmetry profiles are presented. The importance of research of the features of emotional qualities of personality of male and female young people with different individual asymmetry profiles has been actualized, since each person is characterized by individual variants of combinations of lateral characteristics that form individual laterality profiles that determine the individual characteristics of emotional qualities of personality. It is noted that quite often the majority of teachers and psychologists of educational institutions in their work do not take into account the features of the individual profile of functional asymmetry of pupils and students, by which one can understand the characteristics of a number of mental processes, as well as the emotional qualities of personality. Studying the features of emotional qualities of personality of male and female young people with different individual asymmetry profiles is a rather labor-intensive task, since a complex system of autonomous processes of inter-hemispheric interaction makes it difficult to understand a number of patterns that explain the manifestation of emotional qualities of personality. The results of an empirical study on a sample of 94 respondents are presented, of which 60 are 3rd year students of the academic lyceum at the Turin Polytechnic University and 34 students of the National University of Uzbekistan. In total, the sample consisted of 33 female and 61 male subjects. In order to determine the individual profile of asymmetry and emotional qualities of personality, the following methodological tools were used: the author's technique for identifying individual profile of functional asymmetry, self-assessment test "Characteristics of Emotionality" (E. P. Ilyin), "T&D" technique (Y. L. Khanin), "Diagnostics of stress" (A. O. Prokhorov), technique for studying emotional tension and "Self-assessment of emotional states" (A. Wessman and D. Ricks).

As a result of the comparative analysis, it was found that: female subjects with dominance of the right hand (left hemisphere) experience more negative emotions, while with dominance of the left hand (right hemisphere) the level of regulation in stressful situations increases; female subjects with the leading right leg show higher levels of depression and intensity of emotions, while the dominance of the left leg is associated with the manifesta-

tion of such emotional qualities as energy, elation, and a sense of self-confidence; in male subjects with a dominance of the right ear, increased indicators of the duration of emotions are noted, and with a dominance of the left ear, a state of mental peace, humility and tranquility are most often observed; in female subjects, the dominance of the left eye is associated with the manifestation of the negative influence of emotions, while in male subjects, the dominance of the right eye is associated with a sense of self-confidence.

Keywords: individual profile of functional asymmetry, motor and sensory asymmetries, emotional qualities of personality, level of regulation in stressful situations, female and male young people, comparative analysis.

For citation: Kadyrov K. B. Features of emotional qualities of personality of male and female young people with different individual asymmetry profiles. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 61–71. (In Russ.)

Введение. В последние десятилетия одной из значимых проблем в системе междисциплинарного научного знания о человеке в области психологии, педагогики, биологии, медицины выступает феномен асимметрии человека, ее становления в онтогенезе и влияния на деятельность и процессы адаптации к условиям существования [2; 16].

Для каждого человека характерна индивидуальная комбинация латеральных признаков, которая образует индивидуальные профили латеральности [8]. Они и определяют индивидуальные особенности реализации психических процессов. В работе рассматривается вопрос о возможных особенностях эмоциональной сферы у лиц с разными признаками асимметрии парных органов [3; 15].

В психологической науке проблеме функциональной асимметрии мозга человека посвящен целый ряд монографий и сборников, однако проблема влияния индивидуального профиля функциональной асимметрии на эмоциональные качества личности мало изучена [9; 10; 11; 14].

Понятие индивидуального профиля функциональной асимметрии. Проблеме функциональных асимметрий мозга в настоящее время уделяется особое внимание в различных смежных областях науки: психологии, физиологии, медицины. В то же время исследования, направленные на выявление взаимосвязи индивидуальных свойств личности с показателями функциональной асимметрии полушарий мозга, встречаются до сих пор относительно редко. Еще Б. Г. Ананьев говорил о необходимости выделять такие два класса индивидуальных свойств, как возрастно-половые и индивидуально-типические, причем он отмечал, что существует связь функциональной асимметрии мозга с индивидуальными различиями. По мысли Ананьева, особенности геометрии больших полушарий и нейродинамические характеристики мозга тесно связаны с другими психофизиологическими особенностями и образуют целостность индивида [1].

Категория индивидуального профиля функциональных асимметрий головного мозга введена в психологию Т. А. Доброхотовой и Н. Н. Брагиной, и она рассматривается как характерное данному человеку сочетание моторных и сенсорных асимметрий – симметрий, причем в качестве индикатора выступает не одна, а несколько ведущих систем. Данные об ИПФА авторы получали при определении неравенства функций двух парных органов движений (руки, ноги) и двух парных органов чувств (зрение, слух) [4].

Первоначально авторы считали логически оправданным выделение трех профилей: правого (только правые асимметрии), левого (только левые) и смешанного (правые асимметрии одних органов сочетаются с левой асимметрией или симметрией других, например, праворукость сочетается с левой асимметрией слуха в восприятии речевых стимулов). В поздних исследованиях, для более точной дифференциации, добавляются еще два промежуточных профиля – преимущественно правый и преимущественно левый [5].

Е. Д. Хомская и И. В. Ефимова в качестве индикатора асимметрий для ИПФА используют три типа асимметрий: мануальную, слухоречевую и зрительную. При этом оценивается степень асимметрий в баллах, а также признается их разная значимость, что отражено в порядке расположения асимметрий при описании варианта ИПФА: рука-ухо-глаз. Всего авторы выделяют 27 индивидуальных профилей, объединяемых в 5 типов:

- 1) «чистые» правши;
- 2) праворукие (ведущая правая рука и различные варианты доминирования уха и глаза);
- 3) амбидекстры (симметрия в мануальной системе и различные сочетания латеральных признаков в слухоречевой и зрительной системах);
- 4) леворукие (ведущая левая рука и различные варианты доминирования уха и глаза);
- 5) «чистые» левши [12].

В настоящее время эмоциональная сфера личности остается существенно менее исследованной в сравнении с другими разделами психологического знания. Это обусловлено, с одной стороны, объективной сложностью исследования проблемы эмоций и чувств, в частности, вследствие недостаточного количества адекватных психологических методик, а с другой – в существенном отличии эмоций как психических явлений, от познавательных (когнитивных) процессов и необходимости особой методологии их изучения.

Особенности проявления эмоциональных качеств личности в юношеском возрасте. Некоторые специалисты считают, что существует два подхода к рассмотрению природы эмоций. При одном подходе исследователи исходят из биологизаторских представлений об эмоциях, согласно которым эмоции рассматриваются с точки зрения их адаптационной функции, т. е. как механизмы приспособления психики к среде. С точки зрения второго – интеллектуалистического подхода – эмоции понимаются как различные реакции на недостаток информации [7; 13].

В этих концепциях, несомненно, отображены некоторые важные характеристики эмоциональной сферы, однако в них не представлена ее многогранная и сложная целостность. Здесь отсутствует подлинная специфика эмоциональных явлений и эмоциональной сферы человека [12; 13].

Так, в отношении характеристик эмоционального реагирования выступает знак эмоций (или валентность) – наличие амбивалентных, полярных позитивных или негативных эмоциональных переживаний, что позволяет эмоциям выполнять функции:

- а) ориентировки и регуляции поведения и деятельности;
- б) интенсивность эмоций проявляется как глубина и сила переживаний, отраженная в величине физиологических изменений;
- в) длительность переживаний – их протекание во времени;

г) предметность – отнесенность к определенному предмету и степень осознанности [13].

Кроме указанных характеристик психологи и психофизиологи отмечают такие параметры, как реактивность, т. е. скорость появления, исчезновения или изменения эмоций; уровень произвольного управления и контроля протекания эмоций; качество эмоциональных реакций, проявляющееся в характере их связи с потребностями [12; 13].

Эмоции различаются также по значимости определенных событий для человека (как биологической, так и социально обусловленной). Они отличны также по содержательной стороне: могут проявлять себя как эмоциональные состояния (стресс, аффект, фрустрация, настроение и пр.), всегда сопровождают ощущения и восприятия (эмоциональный тон ощущения), могут выступать как эмоциональный отклик на какие-либо события, подниматься до переживания высших эмоций – чувств [7].

Существует довольно много определений эмоций. Можно согласиться с определением эмоции как такого психического процесса, при котором происходит чувственное отображение потребностной значимости внешних воздействий или событий (их полезности или вредности для жизнедеятельности индивида), связанное с регуляцией поведения [6].

Взаимосвязь индивидуального профиля асимметрии с эмоциональными качествами личности. Характер связи индивидуального профиля асимметрии и эмоциональности человека все еще остается нерешенной проблемой. Результаты многочисленных исследований в этой области противоречат друг другу [10].

Так, психологами Мичиганского университета на выборке из 1153 здоровых людей, из которых 119 были леворукими, показано, что леворукие мужчины в возрасте 18–30 лет в сравнении с праворукими отличаются более выраженной общей эмоциональностью, проявлениями страха, гнева, а также им свойственно снижение уровня самоконтроля. У леворуких женщин этого же возраста в сравнении с праворукими наблюдалась более выраженная эмоциональность. У респондентов более старшего возраста (40–70 лет) наблюдались менее выраженные различия [10].

Различными исследователями было установлено (В. А. Москвин, Е. А. Силина и др.), что увеличение левосторонних признаков у испытуемых сопряжено с усилением выраженности показателей «нейротизма», «депрессии» и «психотизма» [9; 10].

Было обнаружено также при применении пробы «перекрест рук», что мужчины с ведущим правым локтем имеют более выраженные показатели по параметрам «расторженность», «общая активность», «общительность», «раздражительная слабость», «экстраверсия» и «эмоциональная стабильность» и менее выраженные показатели тревожности. У мужчин с ведущим левым локтем обнаружены более высокие показатели по параметрам «гипотимия», «шизоидность», «интрапсихическая дезорганизация», «конформность», «совестливость», «робость», «эстетическая впечатлительность», «сензитивность» и «тревожность», а также «интроверсии» и «нейротизма» [9; 10].

Важные результаты обнаружены также при использовании цветового теста Люшера. Согласно данным В. А. Москвина, у праворуких мужчин при использовании пробы «перекрест рук» асимметрия коррелирует с параметрами эмоционального реагирования: с общей активностью и эмоциональностью [9].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сказать, что рассматриваемая проблема требует проведения ряда фундаментальных экспериментальных исследе-

дований. Трудность исследования данной проблемы заключается в чрезвычайной сложности и многоаспектности системы межполушарного взаимодействия, не позволяющего установить однозначные законы и закономерности этой цепочки автономных процессов.

На основе тщательного анализа теоретического материала была определена *цель* исследования, состоящая в изучении особенностей эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии.

Методы. В рамках рассматриваемой темы было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 94 респондента, среди которых 60 человек – учащиеся 3 курса академического лицея и 34 человека – студенты Национального университета Узбекистана. Всего было обследовано 33 девушки и 61 юноша.

Поставленная задача решалась путем использования методов анализа научной литературы, сравнения и классификации позиций различных авторов, а также были использованы следующие **методики**: авторская методика выявления индивидуального профиля функциональной асимметрии; самооценочный тест «Характеристики эмоциональности» (Е. П. Ильин); методика «Тревожность и депрессия» (Ю. Л. Ханин); «Диагностика состояния стресса» (А. О. Прохоров); методика изучения эмоциональной напряженности; «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман и Д. Рикс).

Статистическая обработка результатов выполнена при помощи статистического пакета SPSS 20.0 for Windows.

Результаты исследования и их обсуждение. Как уже было сказано выше, асимметрии бывают моторные и сенсорные, каждая из которых подразделяется на множество видов. В исследовании мы будем рассматривать ручную и ножную моторную асимметрию, а также зрительную и слуховую сенсорную асимметрию и их связь с эмоциональными качествами личности.

Взаимосвязь ведущей руки и эмоциональных качеств личности. Было проведено статистическое сравнение выраженности эмоциональных качеств девушек с ведущей левой и правой кистью руки при функциональной пробе «Аплодисменты» по критерию U-Манна-Уитни, и выявлено, что существуют значимые различия между девушками с ведущей левой и правой кистью по показателям шкалы «Состояние стресса» ($U=35,5$; $p<0,05$). Это говорит о том, что девушки с доминирующей правой кистью больше подвержены стрессу, чем девушки с преобладанием левой кисти. Видимо, нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие преобладание левого полушария по данной функциональной пробе, приводят к более частой потере самоконтроля и ухудшению самообладания в стрессовых ситуациях у девушек.

При статистическом сравнении девушек с ведущим левым и правым пальцем при функциональной пробе «Переплетение пальцев рук» по шкале «Уровни регуляции в стрессовых ситуациях» использовался критерий Хи-квадрат. В результате было выявлено, что у девушек с ведущим левым большим пальцем наблюдается значимо более высокий уровень регуляции в стрессовых ситуациях ($\chi^2=6,177$; $p<0,05$). Возможно, нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие преобладание соответствующих двигательных центров правого полушария, связаны со способностью вести себя довольно сдержанно и с умением регулировать свои эмоции в стрессовых ситуациях.

По-видимому, вышеописанные результаты подтверждают мнение большинства специалистов нейрофизиологов о том, что определенные структуры левого полуша-

рия головного мозга связаны с эмоциональной возбудимостью, а структуры правого полушария – с процессами торможения, обеспечивающими, в том числе, и произвольную саморегуляцию эмоционально-психических процессов.

Взаимосвязь ведущей ноги и эмоциональных качеств личности. Статистическое сравнение девушек с ведущей левой и правой ногой при функциональной пробе «Нога на ногу» по эмоциональным качествам, выявленным с помощью методики «Характеристики эмоциональности» Е. П. Ильина, осуществлялось с помощью критерия U-Манна-Уитни [8].

Анализ результатов показал, что между девушками с ведущей левой и правой ногой выявлены значимые различия по шкале «Интенсивность эмоций» ($U=74,5$; $p<0,05$). Это свидетельствует о том, что у девушек с доминированием левой ноги эмоции выражаются интенсивнее, и можно сказать, что девушки с преобладанием левой ноги по функциональной пробе «Нога на ногу» более эмоционально возбудимы, чем девушки с преобладанием правой ноги.

Также результаты сравнения девушек с ведущей левой и правой ногой при функциональной пробе «Нога на ногу» показали, что более высокие показатели депрессии отмечаются у девушек с преобладанием левой ноги ($U=70$; $p<0,05$). Скорее всего, это означает, что активность нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих преобладание правого полушария по данной функциональной пробе у девушек, приводит к снижению фона настроения и ограничению контактов с окружающими.

В ходе исследования также были выявлены значимые различия между девушками с ведущей левой и правой ногой по показателям шкалы «Интенсивность эмоций» ($U=74,5$; $p<0,05$). Так, в ходе исследования было выявлено, что с преобладанием левой ноги у девушек отмечаются более высокие уровни энергичности ($U=33$; $p<0,05$), приподнятости ($U=21,5$; $p<0,05$) и чувства уверенности в себе ($U=30,5$; $p<0,05$).

Также было проведено статистическое сравнение выраженности эмоциональных качеств «тревожность», «депрессия», «состояние стресса» и «эмоциональная напряженность» в группах юношей с ведущей левой и правой ногой при функциональной пробе «Подпрыгивание» [8]. Сравнительный анализ показал, что значимые различия между юношами с ведущей левой и правой ногой были выявлены по шкалам «Тревожность» ($U=295,5$; $p<0,05$) и «Состояние стресса» ($U=300,5$; $p<0,05$). Иными словами, у юношей с преобладанием левой ноги отмечается слабый уровень регуляции в стрессовых ситуациях, что может проявляться в высокой степени переутомления и истощения.

В результате статистического сравнения девушек с ведущей левой и правой ногой при функциональной пробе «Нога на ногу» по уровням регуляции в стрессовых ситуациях с помощью критерия χ^2 , было выявлено, что при доминировании правой ноги у девушек отмечается значимо более высокий уровень регуляции в стрессовых ситуациях ($\chi^2=5,462$; $p<0,05$). Это, скорее всего, означает, что нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие доминирование левого полушария, которые проявляются в преобладании правой ноги при функциональной пробе «Нога на ногу», определяют выраженность способности вести себя в стрессовой ситуации довольно сдержанно и умение регулировать свои собственные эмоции [8].

Таким образом, анализ результатов показал, что в группах девушек с ведущей левой ногой отмечаются более высокие уровни «приподнятости», т. е. они, как пра-

вило, склонны вести себя задорно, порывисто, энергично, раскрепощенно, подвижно и бойко. А у девушек с ведущей правой ногой, чаще отмечается промежуточное состояние между приподнятостью и подавленностью ($\chi^2=7,492$; $p<0,05$).

Статистическое сравнение юношей с ведущей левой и правой ногой при функциональной пробе «Удар по мячу» с помощью критерия Хи-квадрат показало, что юношам с ведущей правой ногой свойственны более высокие уровни регуляции в стрессовых ситуациях ($\chi^2=10,526$; $p<0,01$). Это может означать, что в отличие от девушек, нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие преобладание левого полушария при функциональной пробе «Удар по мячу», у юношей связаны с более развитыми свойствами саморегуляции и стрессоустойчивости [8].

Сравнительный анализ показал, что у юношей с ведущей правой ногой значимо выше показатели шкалы «Приподнятость», т. е. у них доминируют такие эмоциональные состояния, как задорность, порывистость, энергичность, раскрепощенность, подвижность и бойкость ($\chi^2=6,114$; $p<0,05$).

Таким образом, было выявлено, что преобладание левой ноги у девушек связано с интенсивностью эмоций, энергичностью, приподнятостью, чувством уверенности в себе и высокой оценкой своего состояния. Преобладание правой ноги связано с депрессией и высоким уровнем регуляции в стрессовых ситуациях. У юношей превалирование левой ноги связано с тревожностью и стрессом, а правой – с уровнем регуляции в стрессовых ситуациях и состоянием приподнятости.

Взаимосвязь ведущего уха и эмоциональных качеств личности. В ходе исследования было выявлено, что имеются значимые различия между юношами с ведущим левым и правым ухом при функциональной пробе «Поднесение телефона к уху» по показателям шкалы «Длительность эмоций» ($U=168,5$; $p<0,05$). У юношей с доминированием правого уха длительность эмоций выше, чем у юношей с доминированием левого уха. Данный результат может свидетельствовать о том, что нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие преобладание левого полушария по функциональной пробе «Поднесение телефона к уху», у юношей способствуют более длительному переживанию своих разочарований и неудач, а также продолжительному сохранению чувства обиды.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у юношей при преобладании правого уха длительность эмоций повышена, а при преобладании левого уха чаще наблюдается состояние душевного покоя, смирения и умиротворенности.

Взаимосвязь ведущего глаза и эмоциональных качеств личности. Было проведено статистическое сравнение выраженности эмоциональных качеств «эмоциональная возбудимость», «интенсивность эмоций», «длительность эмоций» и «отрицательное влияние эмоций на эффективность деятельности и общения» в группах девушек с ведущим левым и правым ухом при функциональной пробе «Зажмуривание глаз».

Анализ показал, что имеются значимые различия между девушками с ведущим левым и правым глазом по показателю «отрицательное влияние эмоций на эффективность деятельности и общения» ($U=70,5$; $p<0,05$). Девушкам с ведущим левым глазом больше свойственна склонность к потере контроля над собой при сильном волнении.

Согласно результатам статистического сравнения, юноши с ведущим правым глазом чаще обладают чувством уверенности в себе (92,1 %), что проявляется

в их решительности, упорстве, работоспособности, силе воли и самостоятельности ($\chi^2=7,764$; $p<0,05$).

Можно заключить, что у девушек преобладание левого глаза более интенсивно связано с проявлением отрицательных эмоций, а у юношей преобладание правого глаза чаще связано с проявлением чувства уверенности в себе.

Заключение. Анализ литературных источников выявил, что исследование особенностей эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии требует внимательного и многостороннего подхода к проблеме, поскольку имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о чрезвычайно сложных и неоднозначных межполушарных отношениях и их связи с эмоциональной сферой личности, что не позволяет выстроить последовательную цепочку автономных процессов.

Многие педагоги и психологи образовательных учреждений не учитывают в своей работе особенности индивидуального профиля асимметрии и связанные с ними индивидуальные особенности психических процессов и личностных качеств учащихся и студентов. Несмотря на многозначность этих отношений важно понимать, что индивидуальный профиль асимметрии психических функций выступает в качестве важнейших характеристик функционального состояния центральной нервной системы, обеспечивая при этом достаточно сложные формы деятельности мозга.

В ходе нашего исследования было выявлено:

1. Девушки с преобладанием правой руки (левого полушария) переживают чаще негативные эмоции, тогда как при доминировании левой руки (правого полушария) повышается уровень регуляции в стрессовых ситуациях.

2. У девушек с ведущей правой ногой отмечаются более высокие уровни депрессивности и интенсивности эмоций, тогда как преобладание левой ноги связано с проявлением таких эмоциональных качеств, как энергичность, приподнятость, чувство уверенности в себе.

3. У юношей при преобладании правого уха отмечаются более высокие показатели длительности эмоций, а при преобладании левого уха значимо чаще наблюдается состояние душевного покоя, смирения и умиротворенности.

4. У девушек преобладание левого глаза связано с проявлением отрицательного влияния эмоций, тогда как у юношей преобладание правого глаза связано с чувством уверенности в себе.

Таким образом, исследование особенностей эмоциональных качеств личности юношей и девушек с разными индивидуальными профилями асимметрии показало, что индивидуальный профиль асимметрии связан с эмоциональными качествами личности, однако были получены противоречивые результаты, которые требуют дальнейшего более углубленного изучения данной проблемы.

Список источников

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1997. 380 с.
2. *Бехтерева Н. П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Ленинград: Медицина, 1974. 2-е изд., перераб. и доп. 151 с.
3. *Бизюк А. П.* Основы нейропсихологии: уч. пособие. СПб.: Речь, 2005. 293 с.
4. *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988. 240 с.
5. *Доброхотова Т. А., Брагина Н. Н.* Левши. М.: Книга, 1994. 231 с.
6. *Еникеев М. И.* Общая и социальная психология. СПб.: Инфра-М, 2001. 640 с.

7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.
8. Кадыров К. Б. Влияние моторной асимметрии на успешность обучения в юношеском возрасте // Современное образование. 2020. № 11(96). С. 60–69.
9. Москвин В. А., Москвина Н. В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011. 367 с.
10. Силина Е. А., Евтух Т. В. Межполушарная асимметрия и индивидуальные различия: монография. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2004. 136 с.
11. Сиротюк А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения. М.: Сфера, 2003. 288 с.
12. Хомская Е. Д. Нейропсихология. СПб.: Питер, 2005. 4-е изд. 496 с.
13. Хомская Е. Д., Батова Н. Я. Мозг и эмоции: нейропсихологическое исследование. М.: Московский государственный университет, 1992. 180 с.
14. Domes G., Schulze L., Bottger M. и др. The neural correlates of sex differences in emotional reactivity and emotion regulation // *Hum Brain Mapp*. 2010. № 31(5). P. 758–769.
15. Hare T. A., Tottenham N., Galvan A. и др. Biological substrates of emotional reactivity and regulation in adolescence during an emotional go-nogo task // *Biological Psychiatry*. 2008. № 63(10). P. 927–934.
16. Ochsner K. N., Gross J. J. The neural architecture of emotion regulation. *Handbook of Emotion Regulation* / ed. by J. J. Gross. New York: Guilford Press, 2007. P. 87–109.

References

1. Ananyev B. G. On the problems of modern human science. Moscow: Nauka, 1997, 380 p. (In Russian)
2. Bekhtereva N. P. Neurophysiological aspects of human mental activity. Leningrad: Medicine, 1974, 2nd ed., rev. and supp., 151 p. (In Russian)
3. Bizyuk A. P. Fundamentals of neuropsychology: textbook. Saint Petersburg: Speech, 2005, 293 p. (In Russian)
4. Bragina N. N., Dobrokhotova T. A. Functional asymmetries of man. Moscow: Medicine, 1988, 240 p. (In Russian)
5. Dobrokhotova T. A., Bragina N. N. Lefty. Moscow: Book, 1994, 231 p. (In Russian)
6. Yenikeev M. I. General and social psychology. Saint Petersburg: Infra-M, 2001, 640 p. (In Russian)
7. Ilyin E. P. Emotions and feelings. Saint Petersburg: Peter, 2001, 752 p. (In Russian)
8. Kadyrov K. B. Influence of motor asymmetry on the success of learning in adolescence. *Modern Education*, 2020, no. 11(96), pp. 60–69. (In Russian)
9. Moskvina V. A., Moskvina N. V. Interhemispheric asymmetries and individual differences of a person. Moscow: Smysl, 2011, 367 p. (In Russian)
10. Silina E. A., Evtukh T. V. Interhemispheric asymmetry and individual differences: monograph. Perm: Perm State University of Humanities and Education, 2004, 136 p. (In Russian)
11. Sirotyuk A. L. Neuropsychological and psychophysiological support of learning. Moscow: Sphere, 2003, 288 p. (In Russian)
12. Chomskaya E. D. Neuropsychology. Saint Petersburg: Peter, 2005, 4th ed., 496 p. (In Russian)
13. Chomskaya E. D., Batova N. Ya. Brain and emotions: a neuropsychological study. Moscow: Moscow State University, 1992, 180 p. (In Russian)
14. Domes G., Schulze L., Bottger M. et al. The neural correlates of sex differences in emotional reactivity and emotion regulation. *Hum Brain Mapp*, 2010, no. 31(5), pp. 758–769.

15. Hare T. A., Tottenham N., Galvan A. et al. Biological substrates of emotional reactivity and regulation in adolescence during an emotional go-nogo task. *Biological Psychiatry*, 2008, no. 63(10), pp. 927–934.

16. Ochsner K. N., Gross J. J. The neural architecture of emotion regulation. Handbook of Emotion Regulation. Ed. by J. J. Gross. New York: Guilford Press, 2007, pp. 87–109.

Информация об авторе

К. Б. Кадиров – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Ташкентский университет социальной инновации, Ташкент, Узбекистан, <https://orcid.org/0000-0001-7418-4584>, kkamol@rambler.ru

Information about the author

K. B. Kadyrov – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Tashkent University of Social Innovation, Tashkent, Uzbekistan, <https://orcid.org/0000-0001-7418-4584>, kkamol@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 23.01.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 23.01.2024.

Научная статья

УДК 316.6

Гендерные особенности управленческих компетенций у лидеров молодежи

Саида Рустамовна Иноятова¹

¹*Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования гендерных особенностей управленческих компетенций у лидеров молодежи. Актуализирована значимость исследования гендерных особенностей управленческих компетенций у лидеров молодежи, т. к. с целью совершенствования работы с молодыми людьми (которые составляют около 60 % населения Узбекистана) созданы различные государственные структуры, направленные на привлечение молодых людей в общественную деятельность: Молодежные парламенты при Олий Мажлиса, Союз молодежи Узбекистана, Агентство по делам молодежи, Межведомственный совет по вопросам молодежи. Отмечено, что в целях внедрения новых механизмов управления работы с молодежью, создания вертикальной системы работы с ней, решения проблем молодежи непосредственно в махаллях, а также дальнейшего повышения эффективности духовно-просветительской и воспитательной работы в образовательных учреждениях разработано новое Постановление Президента Республики Узбекистан от 19.01.2022 г. № ПП-92 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы работы с молодежью в махаллях». Приведены результаты эмпирического исследования на выборке, которую составил 1901 лидер молодежи, среди которых 1611 – мужчины и 290 – женщины. С целью выявления комплекса управленческих, личностных и эмоционально-поведенческих особенностей лидеров молодежи был применен следующий методический инструментарий: методика М. Вудкока, Д. Френсиса «Управленческие компетенции», опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» и шкалы по различным критериям удовлетворенности работой. Сравнительный анализ гендерных особенностей управленческих компетенций осуществлялся с помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни.

В результате сравнительного анализа установлено, что: в мужском стиле управления главным образом доминирует структурированность в решениях и определенность, где мужчины-руководители дают установку на цель и результативность организации и коллектива в целом; женщины-лидеры молодежи ориентированы больше на эмпатию, на творческий потенциал коллектива и психологический климат в нем, т. к. в роли руководителя и лидера молодежи женщины нацелены на саморазвитие и самопознание, через правильное и демократическое выстраивание отношений между сотрудниками; женщины-лидеры молодежи могут ощущать большую удовлетворенность своей заработной платой, особенно если они имеют успешную карьеру в своей профессии и ощущают уважение со стороны коллег и руководства; удовлетворенность условиями труда оказалась значительно выше среди лиц мужского пола. По-видимому, женщины часто сталкиваются с дополнительными ответственностями в семье, такими как забота о детях и домашних делах. Скорее всего, эти дополнительные обязанности негативно влияют на уровень удовлетворенности работой в целом, и на уровень удовлетворенности условиями труда, в частности.

Ключевые слова: лидеры молодежи, управленческие компетенции, гендерные особенности, саморегуляция, эмпатия, саморазвитие.

Для цитирования: Иноятова С. Р. Гендерные особенности управленческих компетенций у лидеров молодежи // Развитие человека в современном мире. 2024. № 1. С. 72–80.

Original article

Gender characteristics of managerial competencies among youth leaders

Saida R. Inoyatova¹

¹Institute for the Study of Youth Problems and Training of Promising Personnel under the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article presents the results of a study of the gender characteristics of managerial competencies among youth leaders. The importance of studying the gender characteristics of managerial competencies among youth leaders is actualized, since in order to improve work with young people (who make up about 60 % of the population of Uzbekistan), various state structures have been created aimed at attracting young people to public activities: Youth parliaments under the Oliy Majlis, the Youth Union of Uzbekistan, the Agency for Youth Affairs, the Interdepartmental Council on youth issues. It was noted that in order to introduce new mechanisms for managing work with youth, create a vertical system of work with them, solve youth problems directly in mahallas, as well as further improve the effectiveness of spiritual, educational and educational work in educational institutions, a new Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated 19.01.2022, no. PP-92 "On measures to radically to improve the system of working with young people in makhallas". The results of an empirical study on a sample of 1901 youth leaders, including 1611 men and 290 women, are presented. In order to identify the complex of managerial, personal and emotional-behavioral characteristics of youth leaders, the following methodological tools were used: the method of M. Woodcock, D. Francis "Managerial competencies", the questionnaire of V. I. Morosanova "Style of self-regulation of behavior" and scales for various criteria of job satisfaction. A comparative analysis of the gender characteristics of managerial competencies was carried out using the nonparametric U-Mann-Whitney criterion.

As a result of the comparative analysis, it was found that: in the male management style, structuring in decisions and certainty mainly dominates, where male managers set the goal and effectiveness of the organization and the team as a whole; female youth leaders are focused more on empathy, on the creative potential of the team and the psychological climate in it, because as a leader and leader of youth, women are aimed at self-development and self-knowledge, through the correct and democratic building of relationships between employees; Female youth leaders may feel more satisfied with their salaries, especially if they have a successful career in their profession and feel respected by colleagues and management; Satisfaction with working conditions was significantly higher among males. Apparently, women often face additional responsibilities in the family, such as taking care of children and household chores. Most likely, these additional responsibilities negatively affect the level of job satisfaction in general, and the level of satisfaction with working conditions in particular.

Keywords: youth leaders, managerial competencies, gender characteristics, self-regulation, empathy, self-development.

For citation: Inoyatova S. R. Gender characteristics of managerial competencies among youth leaders. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 72–80. (In Russ.)

Введение. Узбекистан – страна с быстрорастущим населением, больше половины которого – молодежь. Молодые люди в возрасте до 30 лет составляют 60 % населения. Молодежь во многом определяет не только настоящее, но и будущее государства. Поэтому руководство страны возлагает большие надежды и доверительно относится к современному поколению и поддерживает все молодежные инициативы. Главная задача молодежи – непрерывный поиск, самосовершенствование, духовное возрождение.

С целью совершенствования работы с молодежью созданы различные государственные структуры, направленные на привлечение молодых людей в общественную деятельность: Молодежные парламенты при Олий Мажлиса, Союз молодежи Узбекистана, Агентство по делам молодежи, Межведомственный совет по вопросам молодежи.

Для внедрения новых механизмов управления работой с молодежью, создания вертикальной системы работы с ней, решения проблем молодежи непосредственно в махаллях, а также дальнейшего повышения эффективности духовно-просветительской и воспитательной работы в образовательных учреждениях, разработано новое Постановление Президента Республики Узбекистан от 19.01.2022 г. № ПП-92 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы работы с молодежью в махаллях».

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью учета гендерных особенностей молодежи при подборе умелых, организованных и ответственных руководителей организаций, в лице которых может быть как мужчина, так и женщина.

Исходя из актуальности нашей работы, мы исследовали гендерные особенности управленческих компетенций у лидеров молодежи, где под термином гендер (от англ. gender, от лат. genus – «род») понимается социальный или биологический пол, который определяет поведение личности в социуме, и то, как данное поведение воспринимается. Под ним подразумевается определенное поведение, которое показывает отношения с близким окружением, т. е. друзьями, родителями, родственниками и т. д. В психологической литературе под понятием гендер понимается определенная совокупность психических и поведенческих характеристик, которые связаны с маскулинностью и фемининностью, отличающие мужчин и женщин, их определенные особенности [3; 5; 6; 10; 11].

Гендер является особой характеристикой, которая показывает статус мужчин и женщин, а также позволяет определить их функции и взаимодействие [9; 12; 13; 14].

Гендер, согласно концепции социального конструирования, является социальным конструктом, который структурирует общественные взаимоотношения и определяет роль мужчин и женщин, представляя собой гендерную стратификацию. Под гендерной стратификацией подразумевается процесс, благодаря которому понятие гендер представляет собой социальную стратификацию, а различия между гендерами являются оцениваемыми и оцененными [7].

Таким образом, понятие гендер с точки зрения социальной стратификации является общественным и социальным отношением, где воспринимается индивидуальность мужчин и женщин в общественных связях и взаимоотношениях, а в нашем

случае в их профессиональной деятельности, которая выражается в стиле саморегуляции поведения и управленческих компетенций [8].

Целью данного исследования является выявление гендерных особенностей формирования управленческих компетенций у лидеров молодежи.

Научно-методологической основой исследования выступают положения, сформулированные в рамках трудов ученых в области отечественной и зарубежной научной мысли:

а) в социологическом направлении, в условиях нового рынка труда (В. С. Боровик, А. Л. Маршак, П. Н. Новиков, В. А. Похощев, О. В. Ромашов);

б) в образовании (Э. М. Андреев, Ю. Р. Вишневецкий, Л. А. Гегель, В. И. Добрынина, Д. Л. Константиновский, Т. Н. Кухтевич, А. А. Миронов);

в) в исследованиях нравственного начала поведения молодежи (В. Т. Лисофский, А. Н. Шендик, В. К. Сергеев);

г) в рамках исследования направленности мотивации, социальной регуляции и саморегуляции молодежи (Ю. А. Зубов, В. И. Чупов).

Особое внимание уделяется идеям, концептуализирующим вопросы, связанные с совершенствованием и повышением эффективности методов развития профессиональных лидерских качеств сотрудников современных организаций.

Рассматривая научно-методологическую основу исследования, необходимо определиться с основными задачами лидеров молодежи в махаллях:

а) создание и структурирование «Баланса молодежи», где необходимо внести данные о молодежи в электронные платформы «Ёшлар дафтари» и «Ёшлар портали» для организации эффективной работы с молодежью;

б) продумать и организовать содержательный сценарий свободного времяпрепровождения молодежи в махаллях. Основным элементом работы лидера является популяризация национальных народных игр и видов спорта среди молодежи, реализация проектов по пяти важным инициативам, где будут проходить молодежные фестивали и другие культурно-просветительские мероприятия;

в) стимулирование способностей, талантов молодежи для повышения социальной активности и ее инициативности в роли общества, также оказание содействия в обретении своего места в жизни;

г) воспитание чувства патриотизма, создание условий для интеллектуального и духовного развития;

д) регулирование и наблюдение за системной работой с молодежью, которая склонна к совершению правонарушений, освобожденных из учреждений исполнения наказания, а также вернувшихся из специализированных учебно-воспитательных учреждений; необходимость оказания содействия в социально-педагогической реабилитации и адаптации молодежи.

Основные направления лидеров, которые осуществляют свою деятельность в закрепленных за ними махаллях:

1. Пропаганда культуры и искусства. Организация конкурсов по макому и эстраде: «Ёшлар овози», «Молодые художники», «Санъат гунчалари», проведение детского фестиваля творчества «Камалак юлдузлари» и создание театральных коллективов (молодежных и детских).

2. Организация состязаний, выработка соревновательного духа по различным видам спорта: мини-футбол, настольный теннис, волейбол, баскетбол, велоспорт, бег, шахматы, шашки, бадминтон, стрельба из лука, проведение марафона «5 000 шагов»

для здоровья» и проведение акции «Молодой эколог» для создания здорового образа жизни.

3. Реализация проекта «Миллион программистов» и «Первый шаг в программирование» для развития информационных навыков и технологий, что оказывает позитивное влияние на развитие молодежи и их успешность при проведении соответствующих мероприятий: конкурса «Знаток информационных технологий», чемпионаты по киберспорту и пр.

4. Организация соревнований «Заковат», конкурсов «Веселые и находчивые», «Молодой книголюб», «Эрудированный книголюб», «Молодая семья книголюбов», «Знаток иностранных языков» и «Молодой полиглот» для привлечения молодежи к чтению книг и пропаганды духовности, а также проведение интеллектуальных и национальных народных игр «Мунозара».

5. Для эффективного воспитания молодежи в духе патриотизма, проводятся курсы «Молодой пограничник», «Молодой спасатель», «Веселые старты», «Темурбеклар», «Гумарис маликалари», «Шункорлар», «Молодой правовед», «Молодой избиратель», «Молодой депутат», а также организуются акции «Я тоже стану солдатом» и посещения воинских частей. Все это способствует повышению правовой грамотности среди молодежи.

6. Для поддержания и развития предпринимательских идей, навыков организуются встречи с успешными предпринимателями и создаются конкурсы, например, «100 идей для Узбекистана» и «Молодой предприниматель махалли», также грантовый проект «Первый шаг в бизнес».

Методы. В проведенном нами исследовании участвовал 1901 лидер молодежи, среди них 1611 – мужчины и 290 – женщины.

Исследование было проведено по Республике Узбекистан в таких городах как Ташкент, Фергана и Хорезм. В выборке участвовали все лидеры молодежи вышеперечисленных городов в возрасте до 35 лет.

Для межполового сравнения использовались методики: «Управленческие компетенции» (М. Вудкок, Д. Френсис), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), шкалы удовлетворенности работой.

Обработка полученных данных осуществлялась с применением методов математико-статистического анализа: оценка центральной тенденции с расчетом средних значений, непараметрический критерий сравнения U-Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ управленческих компетенций у лидеров молодежи, как указано в табл. 1, показал, что четкие личные цели достоверно чаще перед собой ставят женщины, чем мужчины ($p < 0,01$). Это может быть обусловлено тем, что женщины, особенно в культурах, где они традиционно связаны с заботой о семье, могут ставить перед собой более четкие личные цели в связи с семейными и домашними обязанностями. Продолжающееся саморазвитие и умение влиять на людей также явилось признаком более характерным для лидеров молодежи женского пола, нежели чем для мужского ($p < 0,05$).

Женщины часто ассоциируются с более высоким уровнем эмпатии. Эмпатия может помочь им лучше понимать чувства и потребности других людей, что является важным аспектом влияния. Однако понимание особенностей управленческого труда стало признаком, характеризующим лидеров молодежи мужского пола более, чем женского ($p < 0,05$). Это объясняется тем, что существуют стереотипы относительно ролей мужчин и женщин, включая их подход к управлению [2]. Если обще-

ство склонно думать, что мужчины лучше подходят для роли лидера, это может влиять на восприятие и оценку их управленческих навыков (табл. 1).

Таблица 1

Межполовое сравнение лидеров молодежи по шкалам методики М. Вудкока, Д. Френсиса «Управленческие компетенции» (критерий U-Манна-Уитни)

Шкалы	Средние ранги		U	p
	Мужчины (n=1611)	Женщины (n=290)		
Способность управлять собой	959,4	904,6	220129	0,108
Четкие ценности	958,3	910,3	221785	0,160
Четкие личные цели	933,8	1046,4	205942	0,001**
Продолжающееся саморазвитие	939,3	1016,2	214697	0,024*
Хорошие навыки решения проблем	953,7	935,8	229189,5	0,597
Творческий подход	956,9	918,1	224066	0,256
Умение влиять на людей	937,9	1023,6	212537	0,012*
Понимание особенностей управленческого труда	963,1	884,1	214182	0,020*
Способность руководить	946,6	975,4	226510,5	0,397
Умение обучать	956,1	922,8	225404,5	0,329
Умение наладить групповую работу	953,0	940,1	230433	0,707

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Оценка стиля саморегуляции поведения показала, что лидеры молодежи женского пола являются более гибкими, самостоятельными и имеют высокий общий уровень саморегуляции по сравнению с мужчинами ($p < 0,01$). Это объясняется тем, что женщины часто обладают высоким уровнем эмпатии и социальной чувствительности, что может способствовать более гибкому и самостоятельному взаимодействию в социальных ситуациях [1]. Мужчины показали более высокие рейтинги по параметру «Программирование», в отличие от женщин (табл. 2).

Таблица 2

Межполовое сравнение лидеров молодежи по шкалам опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (критерий U-Манна-Уитни)

Шкалы	Средние ранги		U	p
	Мужчины (n=1611)	Женщины (n=290)		
Планирование	949,0	962,0	230407,5	0,700
Моделирование	942,1	1000,5	219245,5	0,091
Программирование	956,2	922,0	225198	0,309
Оценивание результатов	938,2	1022,0	212995,5	0,015*
Гибкость	936,5	1031,5	210255	0,005**
Самостоятельность	936,4	1032,0	210094,5	0,006**
Общий уровень саморегуляции	935,1	1039,3	207991,5	0,003**

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

В межполовом сравнении лидеров молодежи по различным критериям удовлетворенности работой нами в ходе интерпретации результатов для их статистического анализа был использован критерий U-Манна-Уитни.

В ходе обработки результатов было выявлено следующее: уровень удовлетворенности собственной зарплатой среди лидеров молодежи был выше среди представительниц женского пола, чем среди представителей мужского пола ($p < 0,01$). Это, по-видимому, обусловлено тем, что женщины-лидеры молодежи:

а) предпочитают работу в отраслях и профессиях, где условия труда или корпоративная культура больше подходят для них, что влияет на их удовлетворенность заработной платой;

б) выбирают деятельность, которая соответствует их интересам и стилю жизни, что делает их удовлетворенными относительно заработной платы;

в) могут придавать большее значение другим аспектам работы, таким как баланс между работой и личной жизнью, возможность профессионального и личностного роста, что позволяет им быть более удовлетворенными, даже если их заработная плата не является самой высокой [4];

г) довольны тем, что имеют, у них более реалистичные ожидания по поводу заработной платы.

Наблюдаются случаи, когда женщины-лидеры молодежи могут переживать большую удовлетворенность своей заработной платой, если они имеют успешную карьеру в своей области и ощущают уважение со стороны коллег и руководства.

Индекс удовлетворенности соответствием объема и сложности выполняемой работы также был выше среди лидеров молодежи женского пола, чем среди мужского ($p < 0,01$) (табл. 3). Такие факторы, как организационная культура, стиль руководства и возможности для профессионального роста, могут оказывать значительное влияние на удовлетворенность работой у женщин.

Таблица 3

Межполовое сравнение лидеров молодежи по различным критериям удовлетворенности работой (критерий U-Манна-Уитни)

Степень удовлетворенности лидеров	Средние ранги		U	P
	Мужчины (n=1611)	Женщины (n=290)		
Отношения руководителя и сотрудников районного управления по делам молодежи	949,6	958,6	231388,5	0,753
Отношения председателя и сотрудников схода граждан махалли	957,6	914,2	222930,5	0,139
Условия труда	960,4	898,5	218375	0,050*
Эффективность собственной трудовой деятельности	950,9	951,4	233479	0,988
Собственная зарплата	927,6	1080,9	195921	0,000**
Материальные поощрения (вознаграждения, дополнительные льготы)	945,4	982,2	224536	0,281
Моральные поощрения (высокая оценка со стороны начальника, признание собственных заслуг коллегами)	943,8	990,9	222020,5	0,149
Соответствие объема и сложности выполняемой ими работы	940,8	1007,6	217174,5	0,044*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таким образом, по результатам исследования межполового сравнения лидеров молодежи по различным критериям удовлетворенности работой при использовании критерия Манна-Уитни было выявлено, что для мужского стиля управления характерно доминирование структурированности в решениях и определенности, когда мужчины-руководители дают установку на цель и результативность организации и коллектива в целом.

Анализ результатов у женщин-руководителей показывает, что они при управлении больше ориентированы на эмпатию в отношениях, творческий потенциал коллектива и психологический климат в нем. Также женщины в роли руководителя и лидера молодежи нацелены на саморазвитие и самопознание через правильное и демократическое выстраивание отношений между сотрудниками [3].

Выявлено, что удовлетворенность условиями труда значительно выше среди лиц мужского пола ($p < 0,05$). Женщины часто сталкиваются с дополнительными обязанностями в семье, такими как забота о детях и домашних делах. Дефицит времени, обусловленный условиями труда, влияющий на успешность выполнения домашних забот, может влиять на уровень удовлетворенности работой.

Выводы. Таким образом, подводя итог эмпирическому исследованию в рамках нашего подхода, можно сделать вывод, что гендер выступает как организационная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, которая реализуется в их межличностном общении и взаимодействии в профессиональной деятельности, во взаимосвязи с социальными отношениями, представленными в основных институтах общества, а конкретнее в должности лидера молодежи.

Итак, при анализе распределения деятельности гендер представляет собой определенный механизм, производящий, воспроизводящий и устанавливающий выборы и рамки, которые показывают принадлежность к полу [4].

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Психология». М.: Аспект Пресс, 2009. 5-е изд. испр. и доп. 362 с.
2. Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 87–95.
3. Бендас Т. В. Гендерная психология: уч. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
4. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2012. 318 с.
5. Виноградова Т. В., Семенов В. В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 63–71.
6. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Латард, 1997. 358 с.
7. Гейманс Г. Психология женщины. СПб.: Издательство О. Богдановой, 1911. 248 с.
8. Дизель П., Мак-Кинли Р. У. Поведение человека в организации. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1993. 270 с.
9. Знаков В. В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 1. С. 41–51.
10. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. М.: Питер, 2015. 2-е изд. 592 с.
11. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
12. Элиот П., Мендел Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И. Жеребкиной. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 1998. С. 15–51.

13. Bem S. L. The Measurement of Psychological Androgyny // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1974. Vol. 42. P. 165–172.

14. Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1974. 416 p.

References

1. Andreeva G. M. Social psychology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the direction of the specialty "Psychology". Moscow: Aspect Press, 2009, 5th ed., corr. and add., 362 p. (In Russian)

2. Bendas T. V. Gender studies of leadership. *Voprosy Psichologii*, 2000, no. 1, pp. 87–95. (In Russian)

3. Bendas T. V. Gender psychology: textbook. Saint Petersburg: Peter, 2006, 431 p. (In Russian)

4. Bern Sh. Gender psychology. Saint Petersburg: Prime-Euroznak, 2012, 318 p. (In Russian)

5. Vinogradova T. V., Semenov V. V. Comparative study of cognitive processes in men and women: the role of biological and social factors. *Voprosy Psichologii*, 1993, no. 2, pp. 63–71. (In Russian)

6. Weininger O. Gender and character. Moscow: Latard, 1997, 358 p. (In Russian)

7. Gaimans G. Psychology of women. Saint Petersburg: O. Bogdanova Publishing House, 1911, 248 p. (In Russian)

8. Diesel P., McKinley R. U. Human behavior in an organization. Moscow: Foundation for Economic Literacy, 1993, 270 p. (In Russian)

9. Znakov V. V. Sexual, gender and personality differences in understanding a moral dilemma. *Psychological Journal*, 2004, vol. 25, no. 1, pp. 41–51. (In Russian)

10. Ilyin E. P. Psychology of communication and interpersonal relations. Moscow: Peter, 2015, 2nd ed., 592 p. (In Russian)

11. Ilyin E. P. Differential psychophysiology of men and women. Saint Petersburg: Peter, 2003, 544 p. (In Russian)

12. Eliot P., Mendel N. Theories of feminism. Gender studies: feminist methodology in the social sciences. Ed. by I. Zhrebkina. Kharkiv: Kharkiv Center for Gender Studies, 1998, pp. 15–51. (In Russian)

13. Bem S. L. The Measurement of Psychological Androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974, vol. 42, pp. 165–172.

14. Maccoby E. E., Jacklin C. N. The Psychology of sex differences. Stanford, 1974, 416 p.

Информация об авторе

С. Р. Иноятова – соискатель ученой степени доктора философии, Институт изучения проблем молодежи и подготовки перспективных кадров при Агентстве по делам молодежи Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан, saida_0890@mail.ru

Information about the author

S. R. Inoyatova – Candidate for the degree of Doctor of Philosophy, Institute for the Study of Youth Problems and Training of Promising Personnel under the Agency for Youth Affairs of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan, saida_0890@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 02.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Развитие человека в современном мире. 2024. № 1
Human Development in the Modern World. 2024, no. 1

Научная статья

УДК 159.9

Детско-родительские отношения и формирование личности подростка

Марина Евгеньевна Раскумандрин¹

¹*Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений родителей с детьми подросткового возраста. Обобщаются и анализируются результаты проведенных исследований, целью которых являлось изучение восприятия родительских отношений современными подростками, установление взаимосвязи особенностей детско-родительских отношений и формирование личностных качеств подростков, а также исследование воспитательных позиций родителей наркозависимых подростков. Для достижения целей были использованы психологические методики, направленные на диагностику показателей детско-родительских отношений и личностных качеств подростков. Обнаружены различия в восприятии отношений с родителями мальчиков и девочек. Девочки более требовательны к качеству отношений с родителями, они низко оценивают свои отношения с отцами. Мальчики более удовлетворены отношениями с родителями. Установлена связь требовательности и строгости матери с формированием низкой самооценки подростков, переживанием ими чувства одиночества, их склонности к аддиктивному поведению. Выявлены существенные различия в отношениях к ребенку в семьях с наркозависимыми подростками по сравнению с семьями без наркозависимости детей. Отношения родителей к подросткам с наркозависимостью отличаются противоречивостью, сочетанием низкой степени принятия и сотрудничества с высокой выраженностью эмоциональной близости с ребенком. Их можно определить как доминирующую гиперпротекцию. У матерей обеих групп подростков (наркозависимых и не имеющих зависимости) сформированы шкалы гиперпротекции и потворствования. Полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения систематической работы по психологическому просвещению родителей подростков с целью профилактики нарушений их взаимоотношений с детьми и формирования у них дезадаптивных личностных качеств. Особенного внимания требует психологическая работа с отцами девочек-подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, семья, детско-родительские отношения, гиперпротекция, потворствование, воспитательная конфронтация, родительская непоследовательность, аддиктивное поведение, одиночество.

Для цитирования: Раскумандрина М. Е. Детско-родительские отношения и формирование личности подростка // Развитие человека в современном мире. 2024. № 1. С. 81–93.

Original article

Child-parent relations and formation of adolescent's personality

Marina E. Raskumandrina¹

¹*Ivanovo State University, Ivanovo, Russia*

Abstract. The article examines the problem of relationships between parents and teenage children. The results of studies conducted are summarized and analyzed, the purpose of which was to study the perception of parental relationships by modern teenagers, to establish the relationship between the characteristics of child-parent relationships and the formation of personal qualities of adolescents, as well as to study the educational positions of parents of drug-addicted adolescents. To achieve the goals, psychological techniques were used aimed at diagnosing indicators of parent-child relationships and personal qualities of adolescents. Differences were found in the perception of relationships with parents of boys and girls. Girls are more demanding about the quality of relationships with their parents; they rate their relationships with their fathers lower. Boys are more satisfied with their relationships with their parents. A connection has been established between the exactingness and severity of the mother and the formation of low self-esteem in adolescents, their experience of feelings of loneliness, and their tendency to addictive behavior. Significant differences in attitudes toward children were revealed in families with drug-addicted adolescents compared to families without drug-addicted children. Parents' attitudes towards adolescents with drug addiction are characterized by inconsistency, a combination of a low degree of acceptance and cooperation with a high degree of emotional closeness with the child. They can be defined as dominant hyperprotection. Mothers of both groups of adolescents (drug-addicted and non-addicted) developed hyperprotection and indulgence scales. The data obtained indicate the need for systematic work on psychological education of parents of adolescents in order to prevent violations of their relationships with children and the formation of maladaptive personal qualities in them. Psychological work with fathers of teenage girls requires special attention.

Keywords: adolescence, family, child-parent relationships, hyperprotection, indulgence, educational confrontation, parental inconsistency, addictive behavior, loneliness.

For citation: Raskumandrina M. E. Child-parent relations and formation of adolescent's personality. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 81–93. (In Russ.)

Введение. Формирование личности человека проходит длительный и сложный путь как в историческом, так и в онтогенетическом плане. Детерминацию развития качеств личности связывают как с индивидуальными свойствами человека, так и с его образом жизни, способами взаимодействия и особенностями совместной деятельности с другими людьми [3, с. 208–209; 13, с. 122–126]. Особенную роль играет ближайшее окружение человека – его семья. Наиболее важными здесь становятся проблемы детско-родительских отношений, особенно в отрочестве, когда происходит «ломка» сложившихся ранее представлений о ближнем круге и собственной личности у подростка [9, с. 34–37].

Подростковый возраст как феномен возрастного развития появился сравнительно недавно, благодаря французскому просветителю Ж.-Ж. Руссо [9, с. 9]. Необходимость его выделения в процессе жизненного цикла возникла в связи с повышением производственных, социальных требований к человеку. Это переходный период от детства к взрослости. Его сложность и противоречивость признается всеми исследователями этого возраста и теми, кто непосредственно взаимодействует с подростками (педагоги, родители, сотрудники правоохранительных органов, психологи, врачи). Характеристики подросткового возраста (чувство взрослости при отсутствии ресурсов реализации взрослого поведения, реакции протеста, эмансипации, группирования со сверстниками и др.) делают сложной и проблемной жизнь подростка, взаимодействие с ним и вызывают значительные сложности воспитания [1, с. 509–511; 11, с. 31–44; 12, с. 396–405].

Одним из главных институтов воспитания является семья. Именно семья наиболее эффективно по сравнению с другими социальными институтами выполняет функции социализации и воспитания детей. Семейный круг составляют близкие, значимые люди. Степень их воздействия на ребенка огромна. «В системе отношений ребенка с окружающим миром особенно следует выделить отношения с родителями, и прежде всего с матерью» [15, с. 35]. Наиболее распространенным механизмом формирования характерологических черт ребенка, особенно ответственных за контроль, социальную компетентность является интериоризация способов поведения, используемых родителями. Нарушение супружеских отношений приводит к возникновению аномалий формирования личности детей [16, с. 255]. Семейное воспитание является сферой традиций. Нередко родители не задумываются о способах воспитания детей, ориентируясь на привычные с детства подходы. Однако в силу значительных изменений условий жизни поколений многие традиционные способы воспитания стали неэффективными. Произошли значительные изменения в психологических характеристиках возрастов [10, с. 34; 14, с. 166–167]. Увеличилась потребность в психологических знаниях у родителей. Формирование новых подходов к воспитанию детей и подростков предполагает проведение исследований различных сторон детско-родительских отношений. Особенно это актуально для подросткового возраста и в ситуации особенных трудностей в воспитании ребенка [11, с. 41]. Серьезнейшую проблему представляет воспитание ребенка с зависимым поведением.

Методы. Исследование, проведенное нами совместно с М. А. Будаловой и И. И. Ломыга (на разных его этапах), позволило рассматривать взаимосвязь особенностей детско-родительских отношений и формирования социально-психологических качеств подростков.

По запросу психологической службы выборку исследования составили подростки и их родители. Среди первых – 34 испытуемых в возрасте 14–15 лет, учащиеся гимназии г. Иваново.

В ходе работы с ними были подобраны и использованы методики, среди которых: подростковый вариант опросника «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) И. М. Марковской, тест-опросник «Аддиктивная склонность» В. В. Юсупова, В. А. Корзунина, диагностический опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной, модифицированная для выполнения подростками методика «Родительское сочинение» А. Шведовской, методика «Личностный дифференциал» (вариант, адаптированный

в НИИ им. В. М. Бехтерева). Для математической обработки полученных результатов использовались t-критерий Стьюдента и коэффициент корреляции r_s -Пирсона.

Вторую группу обследуемых составили родители подростков в количестве 80 человек. Они были поделены на две группы. Первая – родители наркозависимых подростков (20 матерей и 20 отцов). Вторая – родители подростков без наркозависимости (20 матерей и 20 отцов). Возраст испытуемых обеих групп от 30 до 40 лет. Испытуемые имеют детей от 13 до 16 лет. Обе группы были уравнированы по значимым для исследования факторам (образование, социальное положение, возраст).

В ходе исследования были использованы методики «Взаимодействие родитель-ребенок» И. М. Марковской, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера (методика АСВ), опросник детско-родительских отношений А. Я. Варга, В. В. Столина, «Шкала семейного окружения» С. Ю. Куприянова. Для математической обработки полученных результатов был проведен сравнительный анализ с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты выполнения методики ВРР обнаружили более высокую оценку родительских отношений мальчиками по сравнению с оценками девочек (табл. 1). Указаны шкалы, по которым отмечаются значимые различия.

Таблица 1

**Восприятие взаимодействия с родителями мальчиками и девочками (баллы)
(опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И. М. Марковской)**

№	Шкалы	Оценка мальчиков	Оценка девочек	Значимость различий
1	Последовательность матери	16,9	13,5	0,003
2	Последовательность отца	18,9	15,6	0,013
3	Эмоциональная близость с отцом	14,8	12,4	0,024
4	Сотрудничество с отцом	17,3	14	0,039
5	Авторитетность отца	18,4	14,6	0,044
6	Удовлетворенность отношениями с отцом	20,7	14,9	0,005

Мы видим, что девочки значимо ниже мальчиков оценивают указанные воспитательные позиции и особенности взаимоотношений с родителями. Основные различия касаются отношений с отцом. Мальчики в высокой степени отмечают воспитательную последовательность матери и отца, эмоциональную близость с отцом, наличие сотрудничества с ним, его авторитетность и удовлетворение отношениями с ним.

Мать имеет близкий телесный и эмоциональный контакт с ребенком с самого детства. Именно мать осуществляет уход за ребенком, более тесно, на протяжении длительного времени взаимодействует с ним. Отцовство является социальным феноменом. Чтобы стать отцом, недостаточно родиться мужчиной. Необходимо иметь перед собой образец поведения отца [8; 9, с. 125–133]. На протяжении советского периода многие традиции отцовства были утрачены. Воспитанием детей в семье, решением их проблем занималась в основном мать. Снизилась осознанность отцовства, представлений о роли, обязанностях, функциях отца [6, с. 87–90; 8]. Особенно это касается вопросов воспитания дочерей, которое требует специальных знаний, тонкого эмоционального реагирования, понимания жизни девочки. Девочкам также

непонятен мужской мир. Даже если у отца с дочерью в младшем возрасте существовал эмоциональный контакт, в подростковом возрасте их взаимодействие переходит на новую стадию, т. к. возникает культурно обусловленная дистанция. Взросление дочери, формирование в ней женских качеств может вызывать у отца трудности в отношениях и взаимодействии с ней. При этом девочки нуждаются в поддержке отца в этом возрасте, но часто получают ее в недостаточной степени. Отец играет особую роль в воспитании ребенка, различную для мальчика и девочки [4, с. 197–216].

Более высокие показатели в оценке отношений с отцом у мальчиков могут быть связаны с их стремлением перейти из детского мира, связанного с матерью, в мужской. Он становится для них более привлекательным. Отец является помощником, проводником в этот мир. У отца есть опыт детства, который, несмотря на изменившиеся условия жизни, позволяет ему понять переживания и сложности мальчика и оказать ему поддержку.

Кроме этого, мы видим, что мальчики чаще отмечают воспитательную последовательность родителей по сравнению с девочками. Это может быть связано как с большей чувствительностью к нюансам отношений с родителями девочек, их большей эмоциональностью, так и с действительно более противоречивыми требованиями со стороны родителей, отражающими социальное положение женщин в современном мире. От них одновременно требуются и феминные и маскулинные качества. Подготовка девочки к выполнению противоречивых социальных ролей может приводить и к противоречивым требованиям. Более высокая оценка отношений с родителями, данная мальчиками, подтверждается результатами анализа модифицированной нами методики А. Шведовской. Мальчики значимо чаще отмечали позитивное отношение к родителям, восприятие их личностных и коммуникативных качеств по сравнению с девочками. Анализ полученных данных в результате проведения методики показывает наличие у подростков стремления к более тесному, дружескому контакту с родителями, общению с ними, совместным занятиям, прогулкам и отдыху. Некоторые подростки отмечают ожидание от родителей решения материальных вопросов (достаточный уровень жизни, покупки). Подростки опасаются сложных взаимоотношений с родителями, недопонимания, ссор, наказаний, а также отмечают страх потери близких. Некоторые подростки отмечали наличие трудных жизненных ситуаций и сложностей во взаимоотношениях с родителями. Среди причин трудностей отмечаются наряду с другими и личностные качества родителей. Полученные данные говорят о том, что вместе с реакцией эмансипации, снижения авторитета родителей в подростковом возрасте существует выраженная потребность в их поддержке, понимании, тесном контакте и взаимодействии с ними.

Обнаружен значимо более высокий общий уровень переживания одиночества у девочек. Поскольку девочки более эмоциональны, экспрессивны, они больше нуждаются в установлении доверительных и тесных взаимоотношений, чем мальчики. При этом результаты нашего исследования показали меньшую удовлетворенность отношениями с родителями у девочек, невысокие показатели их оценки эмоциональной близости с родителями, принятия, авторитетности.

Результаты проведенного исследования, опыт консультативной работы с женщинами показывают наличие значительных проблем в отношениях девочек-подростков с родителями. Это приводит к возникновению трудностей в установлении женщинами близких отношений, в том числе супружеских, отношений со своими

детьми. Стремление уйти из родительской семьи является одним из деструктивных мотивов вступления в брак. Это ставит вопрос о необходимости психологической работы с родителями, особенно с отцами, направленной на понимание проблем девочек в подростковом возрасте, установление взаимопонимания с ними, освоение эффективных родительских позиций и способов взаимодействия с подростками.

Обнаружена взаимосвязь восприятия подростками особенностей взаимодействия с родителями и формирования у них ряда социально-психологических особенностей: аддиктивной склонности, факторов оценки, силы, активности (методика «Личностный дифференциал»). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Взаимосвязь восприятия взаимоотношений с родителями и социально-психологических качеств подростков (методика «Личностный дифференциал»)

Взаимосвязанные переменные	Аддиктивная склонность	Оценка	Фактор силы	Фактор активности	Общее состояние одиночества
Требовательность матери	0,398*	–	–	–	–
Строгость матери	–	–0,359*	–	–	0,446**
Контроль матери	0,352*	–	–	–	–
Эмоциональная близость матери	–	0,395*	–	0,452**	–0,452**
Эмоциональная близость отца	–	–	–	–	–0,609**
Принятие матерью	–	0,546**	0,417*	0,392*	–0,515**
Принятие отцом	–	–	0,445**	–	–0,498**
Последовательность матери	–	0,366	0,342*	–	–
Последовательность отца	–0,376*	–	–	–	–
Авторитетность матери	–	–	–	–	–0,562**
Авторитетность отца	–	–	0,552**	–	–0,438**
Удовлетворенность отношениями с матерью	–	0,374*	0,397*	–	–0,692**
Удовлетворенность отношениями с отцом	–	–	0,483**	–	–0,539**

Уровень требовательности и контроля со стороны матери прямо связан с формированием склонности к аддиктивному поведению. Ситуация высокой ответственности, ограничений, критики является стрессовой для подростка. Вследствие невозможности справиться со стрессом, а также под влиянием социального окружения, подростки могут уходить в аддиктивные формы поведения. Необходимо отметить, что сформированной склонности к данной форме поведения в нашей выборке не обнаружено. Поэтому мы не можем рассматривать вариант повышения требовательности и контроля как реакцию родителей на зависимое поведение ребенка.

Обратную связь со склонностью к аддиктивному поведению имеет воспитательная последовательность отца. Последовательность родителя в требованиях, поощрениях и наказаниях создает ситуацию психологической безопасности, определенности.

Формированию стабильной самооценки и самоуважения подростков способствует восприятие ими отношений с матерью как эмоционально близких, принимающих, постоянных, удовлетворяющих. Строгость матери препятствует формированию этих качеств.

Восприятие отношений родителей как принимающего, удовлетворенность отношениями с ними, последовательность матери, авторитетность отца имеют прямую корреляцию с оценкой подростками выраженности своих волевых качеств. У них формируется доверие к себе, осознание важности собственных решений, развитие самостоятельности и ответственности, сознательная концентрация усилий на достижение собственных целей.

Эмоциональная близость с матерью, ее принятие имеет прямую связь с активностью подростка, позволяет ему быть вовлеченным в жизнь, ориентированным на деятельность, социальное взаимодействие.

Эмоциональная близость с родителями, их принимающая позиция, авторитетность и удовлетворенность отношениями с ними обратно связаны с переживанием ребенком чувства одиночества.

Мы видим, что формирование социально-психологических качеств подростков в большей степени связано с восприятием их взаимоотношений с матерью. Это говорит о ее особой роли в воспитании детей. Повышение вовлеченности женщин в производственную, социальную активность, стремление реализовать себя за пределами семьи, безусловно, имеет позитивные стороны, однако может иметь и негативное влияние на отношения в семье, формирование личности детей. Совмещение семейных и социальных ролей, решение ролевого конфликта современных женщин, формирование осознанного активного отцовства является важной психологической проблемой.

Особой ситуацией является воспитание подростка с наркозависимостью. Детерминация отклоняющегося поведения, в том числе аддиктивного, является сложной и включает большое число биологических и социальных факторов. Часто ведущая роль в возникновении аддиктивного поведения приписывается семье [5, с. 159–161].

Далее исследование сорганизовывалось совместно с И. И. Ломыга, было направлено на изучение особенностей детско-родительских отношений, воспитательных позиций родителей в семьях наркозависимых подростков.

Психологическая практическая работа с больными наркоманией дает повод говорить об их семьях как об источниках психической травматизации личности, а нарушения семейных взаимоотношений нередко лежат в основе наркотической зависимости и трудностей в ее преодолении. Деструктивное семейное взаимодействие или поведение кого-то из членов семьи выступает как фактор, запускающий наркотическое поведение или поддерживающий его [7, с. 126–127].

Отношение родителей к ребенку может сильно меняться после обнаружения наркозависимости. При этом не только возникновение наркозависимости, но и ее преодоление во многом зависит от отношения родителей к подростку, особенностей их взаимодействия.

Исследование было направлено на изучение различных сторон детско-родительских отношений в семьях с наркозависимыми подростками. Результаты приведены в табл. 3.

Взаимоотношения родитель-ребенок (процентили)
(методика «Взаимодействие родитель-ребенок» И. М. Марковской)

Переменные	Родители наркозависимых подростков (первая группа)		Родители подростков без наркозависимости (вторая группа)	
	отец	мать	отец	мать
Удовлетворенность отношениями с ребенком	33,3	35,3	63,7	65,7
Воспитательная конфронтация в семье	67,5	68,3	32	31,6
Непоследовательность родителя	55,4	61,7	30,7	30,5
Тревожность за ребенка	32	69,3	32	40,8
Сотрудничество	33,2	32	62,1	64,3
Принятие ребенка	33,3	38,3	63,7	65,7
Эмоциональная близость с ребенком	60,7	59,9	55,2	52,4
Контроль	55,2	63,7	32	33,2
Строгость родителя	60,1	57,5	30,7	40,4
Требовательность родителя	64	62,4	32	45,3

Применение U-критерия Манна-Уитни показало значимость различий между матерями двух групп по всем шкалам, между отцами – по всем шкалам, кроме тревожности за ребенка.

Мы видим значительно менее выраженные оценки принятия ребенка, сотрудничества с ним, удовлетворенности отношениями, данные родителями наркозависимых подростков (первая группа), по сравнению с родителями подростков без наркозависимости (вторая группа). При этом у них значительно выше оценки воспитательной конфронтации в семье, своей родительской непоследовательности, контроля, строгости и требовательности. Обращает на себя внимание более высокая оценка эмоциональной близости с ребенком родителей наркозависимых, а также значительно более высокая тревожность матерей наркозависимых подростков как по сравнению с матерями подростков без наркозависимости, так и по сравнению со своими мужьями. Наличие в семье наркозависимого ребенка является сильным стрессом для всех членов семьи, предъявляет высокие требования к их зрелости, ответственности, воспитательному мастерству, мудрости. Однако нередко эмоциональная травма вызывает у родителей растерянность, регресс к незрелым формам поведения, их шаблонность, желание перенести ответственность за случившееся на социальные институты, на ребенка. В то время, когда ему требуется максимальная поддержка со стороны родителей, их ресурса, воспитательных умений на это не хватает.

Исследование показало своеобразие отношений родителей к наркозависимым детям. При низкой степени принятия, сотрудничества с ребенком, и при этом значительно более выраженными по сравнению с родителями второй группы контролем, требовательностью, строгостью к нему отмечается достаточно высокая оценка эмоциональной близости с ребенком. Это отражает эмоциональную настроенность на него, зависимость родителей от его состояния. Такая воспитательная позиция не может считаться продуктивной. От наркозависимого подростка, не имеющего до-

статочных ресурсов для решения актуальных проблем, практически зависит эмоциональное состояние родителей. При этом ему не оказывают продуктивной помощи. Высокая концентрация на ребенке при низкой степени его принятия и сотрудничества с ним приводит к травматичности отношений для всех участников.

Результаты исследования родительских отношений (методика ОРО А. Варга, В. Столина) представлены в табл. 4. Указаны шкалы, по которым отмечаются значимые различия между испытуемыми первой и второй групп.

Таблица 4

Родительские отношения (процентиля) (методика ОРО А. Варга, В. Столина)

Переменные	Родители наркозависимых подростков (первая группа)		Родители подростков без наркозависимости (вторая группа)	
	отец	мать	отец	мать
Отношение к неудачам ребенка	99	99	41	45
Принятие	20	20	98,1	98,7

Родители первой группы в максимальной степени воспринимают своего ребенка как несостоятельного, инфантильного, не способного решать свои проблемы, беспомощного, ведомого. Они обесценивают его интересы, увлечения, формы активности, не видят в нем положительного потенциала. Низко оценивают его способности, личностные качества. Испытывают по отношению к нему досаду, злость, раздражение, обиду. Перекалывают на него ответственность за сложившуюся ситуацию. С одной стороны, это вполне объяснимо. Наркозависимый подросток не может управлять своим поведением, требует внешнего контроля. С другой стороны, полное лишение его самостоятельности, веры в свои возможности не позволяет формировать активную позицию по отношению к своей жизни [2, с. 88–92].

Результаты методики АСВ приведены в табл. 5. Представлены шкалы, по которым обнаружены значимые различия.

Таблица 5

**Анализ семейных взаимоотношений (баллы)
(методика «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера)**

Переменные	Родители наркозависимых подростков (первая группа)		Родители подростков без наркозависимости (вторая группа)	
	отец	мать	отец	мать
Гиперпротекция	8,8	11,8	6,6	8,7
Потворствование	6,9	11,9	11,8	11,9
Чрезмерность требований обязанностей	1,7	2,2	1,9	2,4
Чрезмерность требований запретов	3,9	4,5	2,0	3,1
Чрезмерность санкций	4,4	3,1	1,3	2,2
Неустойчивость стиля воспитания	2,5	4,0	1,6	1,1

*Жирным шрифтом обозначена сформированность шкал, что говорит о наличии отклонений в воспитании.

Мы видим, что родители наркозависимых детей и матери подростков без наркозависимости уделяют ребенку очень много сил, времени и внимания. Его воспитание является центром жизни. Они боятся, что если не будут уделять своему ребенку столько внимания, то с ним случится что-то опасное. Если это оправдано в случае родителей первой группы, то в отношении матерей подростков без наркозависимости гиперпротекция может иметь негативные последствия. Ребенок с наркозависимостью требует постоянного внимания, он не может решать многие вопросы своей жизни. Однако и в этом случае брать всю ответственность за жизнь ребенка на себя, не представлять ему никакой самостоятельности, не давать себе возможности проживать свою жизнь – значит вызвать много других проблем. Потворствование сильно выражено у матерей обеих групп и отцов второй группы. Потворствующие родители стремятся к удовлетворению большого числа потребностей ребенка, балуют его. Это может быть связано с различными факторами: недостаточное удовлетворение потребностей самих родителей в детстве, стремление откупиться от ребенка, доставить ему радость и пр. [17, с. 73–82]. При этом у матерей первой группы одновременно с потворствованием сформирована шкала требований-запретов. Матери боятся любого проявления самостоятельности ребенка, ограничивают его свободу. Такая противоречивая позиция матери усиливает беспомощность ребенка, дезориентирует его. Чрезмерность санкций отмечается у отцов наркозависимых подростков. Они демонстрируют жесткий стиль воспитания, склонность к строгим наказаниям. Это, особенно при низком принятии ребенка, с большой степенью вероятности может привести к протестным реакциям и ухудшению ситуации. Шкалы «чрезмерность требований-обязанностей ребенка», «неустойчивость стиля воспитания» не сформированы, выражены незначительно в обеих группах. Требования-обязанности к ребенку более выражены у родителей второй группы, а неустойчивость стиля воспитания больше представлена в первой группе.

Шкала семейного окружения С. Ю. Куприянова предназначена для оценки микроклимата семьи. Полученные данные представлены в табл. 6.

Таблица 6

Показатели микроклимата семьи (баллы)
(методика «Шкала семейного окружения С. Ю. Куприянова»)*

Переменные	Родители наркозависимых подростков (первая группа)		Родители подростков без наркозависимости (вторая группа)	
	отец	мать	отец	мать
Сплоченность	3,4	3	5,9	6,7
Конфликт	5	6,9	4,9	4,3
Независимость	3,3	3,6	5,9	6,1
Контроль	5,0	6,9	5,0	5,2
Ориентация на активный отдых	4,2	3,3	5,2	6,1

*Жирным шрифтом выделены значимые различия между матерями и отцами разных групп.

Родители второй группы более высоко оценивают степень сплоченности, помощи, заботы, чувство принадлежности к семье. При этом высоко оценивается и поощрение независимости, самостоятельности, личностного роста членов семьи. Конфликтность, открытое выражение гнева, агрессии, а также контроль значимо

выше у матерей наркозависимых подростков по сравнению с матерями подростков без наркозависимости.

Интересна бóльшая выраженность ориентации на активный отдых у отцов по сравнению с матерями обеих групп, а также значимо бóльшая выраженность такой ориентации у матерей второй группы по сравнению с матерями наркозависимых подростков.

Выводы. Полученные в исследовании данные позволяют нам сделать вывод о том, что воспитательные позиции и взаимоотношения родителей с наркозависимыми подростками не являются продуктивными. Мы не можем сделать вывод о том, что они являются причиной формирования наркозависимости, поскольку исследование проводилось в семьях, где наркозависимость подростка уже сформировалась. Указанные особенности воспитания могут быть следствием реакции родителей на свершившийся факт. Однако наше исследование показало, что высокие требовательность и контроль матери, низкая степень воспитательной последовательности отца способствуют формированию склонности к аддиктивному поведению.

Такие особенности воспитательной позиции родителей наркозависимых подростков как низкий уровень принятия ребенка, сотрудничества с ним, при более выраженных требовательности, контроле, строгости и высоком уровне эмоциональной близости с ребенком создают противоречивую ситуацию их взаимодействия. Выраженные непоследовательность обоих родителей наркозависимых подростков, воспитательная конфронтация в семье, низкий уровень удовлетворенности отношениями с ребенком создают хаос, напряжение, приводят к значительной трате эмоциональной энергии.

Воспитательную позицию родителей наркозависимых подростков можно определить как доминирующую гиперпротекцию, которая характеризуется тем, что ребенок находится в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени, но в то же время лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. Здесь отметим, что, по мнению Э. Г. Эйдемиллера, у подростков такое воспитание может усиливать реакцию эмансипации [17, с. 79]. Гиперпротекция по отношению к наркозависимым подросткам и подросткам без наркозависимости приобретает разный характер. В связи с сопутствующими ей в семьях без наркозависимости принятием ребенка, верой в него, сотрудничеством она выражается в виде заботы и помощи ребенку в современном социально сложном мире. В семьях наркозависимых гиперпротекция имеет ограничительный, контролирующийся, унижающий характер, сопровождающийся неприятием ребенка, недоверием, отношением к нему как к неудачнику.

Полученные данные говорят о необходимости проведения психологического просвещения родителей, направленного на повышение их осведомленности об особенностях современных подростков, эффективных способах взаимодействия с ними, продуктивных родительских позициях. Также востребована психологическая помощь родителям, направленная как на формирование эффективных способов взаимодействия с подростками, так и на решение психологических проблем самих родителей, имеющих корни в особенностях переживания ими подросткового возраста.

Список источников

1. *Абрамова Г. С.* Возрастная психология: уч. пособие. М.: Академия, 1999. 672 с.
2. *Алёшина Ю. Е.* Индивидуальное и семейное психологическое консультирование: монография. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 2-е изд. 208 с.
3. *Асмолов А. Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
4. *Бурмистрова Е. А., Бурмистров М. Ю.* Современная семья: психология отношений: монография. М.: Дарь, 2020. 544 с.
5. *Дольто Ф.* На стороне подростка: монография / пер. с англ. А. К. Борисова. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2020. 424 с.
6. *Дружинин В. Н.* Психология семьи: монография. СПб.: Питер, 2006. 3-е изд. 176 с.
7. *Змановская Е. В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): уч. пособие. М.: Академия, 2008. 5-е изд. 288 с.
8. *Иванов Д. В., Галюк Н. А.* Воспитательный потенциал различных тактик взаимоотношений «отец-сын» // Человек в развитии и борьбе: вопросы педагогической и эссенциальной психологии: сборник научно-методических трудов / под ред. Д. В. Иванова. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2002. С. 88–98.
9. *Иванов Д. В., Галюк Н. А., Кривобоков С. А.* Введение в эволюцию: очерки концепций подросткового возраста (психологическая парадигма): монография. Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского, 2006. 144 с.
10. *Иванов Д. В., Галюк Н. А.* Введение в историю психологии профессионального образования: уч. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 160 с.
11. *Круглова Е. А.* Особенности направленности личности подростков-правонарушителей и их взаимосвязь с детско-родительскими отношениями // Развитие человека в современном мире. 2023. № 1. С. 31–44.
12. *Мухина В. С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия, 1999. 4-е изд. 456 с.
13. *Онтопсихология: уч. пособие / под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко.* СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 276 с.
14. *Регуш Л. А.* Проблемы психического развития и их предупреждение (от рождения до пожилого возраста): уч. пособие. СПб.: Речь, 2006. 320 с.
15. *Шадриков В. Д.* Мир внутренней жизни человека: монография. М.: Университетская книга; Логос, 2010. 392 с.
16. *Шнейдер Л. Б.* Семья: оглядываясь вперед: монография. СПб.: Питер, 2013. 368 с.
17. *Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия: уч. пособие. СПб.: Речь, 2006. 2-е изд., испр. и доп. 352 с.

References

1. Abramova G. S. Age psychology: textbook. Moscow: Academy, 1999, 672 p. (In Russian)
2. Aleshina Yu. E. Individual and family psychological counseling: monograph. Moscow: Independent firm "Class", 2000, 2nd ed, 208 p. (In Russian)
3. Asmolov A. G. Psychology of personality: Principles of general psychological analysis. Moscow: Smysl, 2001, 416 p. (In Russian)
4. Burmistrova E. A., Burmistrov M. Yu. Modern family: psychology of relations: monograph. Moscow: Dar'y, 2020, 544 p. (In Russian)
5. Dolto F. On the side of the teenager: monograph. Transl. from English A. K. Borisov. Ekaterinburg: Rama Publishing, 2020, 424 p. (In Russian)
6. Druzhinin V. N. Psychology of the family: monograph. Saint Petersburg: Peter, 2006, 3rd ed, 176 p. (In Russian)

7. Zmanovskaya E. V. *Deviantology: (Psychology of deviant behavior): textbook*. Moscow: Academy, 2008, 5th ed, 288 p. (In Russian)
8. Ivanov D. V., Galyuk N. A. Educational potential of different tactics of relationships "father-son". Man in development and struggle: issues of pedagogical and essential psychology: a collection of scientific and methodological works. Ed. by D. V. Ivanov. Irkutsk: Irkutsk State University, 2002, pp. 88–98. (In Russian)
9. Ivanov D. V., Galyuk N. A., Krivobokov S. A. Introduction to ebology: sketches of adolescence concepts (psychological paradigm): monograph. Irkutsk: Irkutsk State Agrarian University named after A. A. Yezhevsky, 2006, 144 p. (In Russian)
10. Ivanov D. V., Galyuk N. A. Introduction to the History of Psychology of Professional Education. Novosibirsk: Publishing House of NSPU, 2020, 160 p. (In Russian)
11. Kruglova E. A. Features of the directionality of the personality of adolescent offenders and their relationship with child-parent relationships. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 1, pp. 31–44. (In Russian)
12. Mukhina V. S. Age psychology: phenomenology of development, childhood, adolescence. Moscow: Academy, 1999, 4th ed, 456 p. (In Russian)
13. Ontopsychology: textbook. Ed. by A. A. Krylov, E. F. Rybalko. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2003, 276 p. (In Russian)
14. Regush L. A. Problems of mental development and their prevention (from birth to old age): textbook. Saint Petersburg: Rech, 2006, 320 p. (In Russian)
15. Shadrikov V. D. The world of the inner life of man: monograph. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos, 2010, 392 p. (In Russian)
16. Shneider L. B. Family: looking ahead: monograph. Saint Petersburg: Peter, 2013, 368 p. (In Russian)
17. Eidemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikolskaya I. M. Family diagnosis and family psychotherapy: textbook. Saint Petersburg: Rech, 2006, 2nd ed. rev. and supp., 352 p. (In Russian)

Информация об авторе

М. Е. Раскумандрина – кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, raskym@mail.ru

Information about the author

M. E. Raskumandrina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor Department of Continuing Psychological and Pedagogical Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, raskym@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Развитие человека в современном мире. 2024. № 1
Human Development in the Modern World. 2024, no. 1

Об итогах Международного форума «Семья и образовательная организация – навстречу друг другу» 8 февраля 2024 г.

Международный форум проводился ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет» (г. Новокузнецк) совместно с рядом заинтересованных организаций: Муниципальное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Лицей № 111» (г. Новокузнецк), МАОУ ДПО «Институт повышения квалификации» (г. Новокузнецк), Городской совет руководителей образовательных организаций г. Новокузнецка, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (г. Москва), ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва), ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск), Новосибирское отделение Российского Психологического Общества (г. Новосибирск), ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет» (г. Горно-Алтайск), МБ ДОУ «Детский сад № 185» (г. Новокузнецк).

Торжественное открытие Международного форума началось с приветствия директора МБ НОУ «Лицей № 111» Марины Владимировны Полюшко. В своем выступлении Марина Владимировна подчеркнула, что 2024 г. объявлен нашим президентом В. В. Путиным Годом семьи. В лицее есть дети разных национальностей, дети из многодетных семей. Лицей обращает большое внимание на сотрудничество с семьей, психолого-педагогическую поддержку детей и родителей.

Детские коллективы и семьи МБ НОУ «Лицей № 111», МБ НОУ «Гимназия № 62» поздравили своими творческими номерами всех участников форума.

Самое главное в жизни каждого человека – это семья! Именно в семье ребенок открывает свою индивидуальность в «участном» близком и неравнодушном общении с близкими. В семье ребенок начинает приобщаться к базовым человеческим ценностям: любви, правде, честности, прощению, а также к традициям и культуре. Социализация ребенка проходит в образовательных учреждениях, в системе бесшовного образования: детский сад – школа – вуз.

Как сделать так, чтобы развитие человека в образовательных организациях проходило в соработничестве с семьей – навстречу друг другу? Этот вопрос в разных формах работы форума решался совместно с учеными, практиками педагогами и психологами, родителями и детьми.

На пленарной части форума были выступления известных ученых, педагогов, психологов. Доктор психологических наук, профессор, руководитель Новосибирского отделения РПО Наталья Яковлевна Большунова (НГПУ, г. Новосибирск) подготовила доклад: «Участность как основа взаимодействия педагогов и родителей в образовании»; член Союза «Родительская палата» Людмила Ильинична Федорова (эксперт Министерства культуры РФ, г. Москва) выступила с докладом: «Семья – школа любви»; кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой ДиНО Владис-

лав Семенович Умнов (СибГИУ, г. Новокузнецк) представил доклад: «Воспитание семейных ценностей: партнерство семьи, вуза и общества»; заместитель директора МБ НОУ «Гимназия № 62» Евгения Михайловна Полякова (г. Новокузнецк) выступила с докладом «Пространство возможностей для совместного творчества учащихся и родителей»; кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Александр Хашимович Сатаров (НамГПИ, Узбекистан) представил сообщение «Социокультурное и духовно-нравственное развитие детей-подростков в процессе национального воспитания в семьях Республики Узбекистан».

В работе форума было представлено несколько направлений. Они были оригинально обозначены цветовой символикой (красный, белый, синий, желтый), в соответствии с этим оформлены залы.

Красный зал: «Семья и образовательная организация»: формы «со-бытийного сотрудничества». В работе секции обсуждались вопросы эффективного сотрудничества семьи и образовательной организации (М. В. Полюшко, Т. Б. Одинаев). Были представлены практики взаимодействия образовательной организации и семьи (в семейной и музейной педагогике – О. В. Митрохина, в воспитании – И. И. Трошкина, вовлечении родителей в волонтерскую деятельность – И. П. Дудченко и т. д.). А также на секции представили свой опыт видения работы с детьми и сами родители – З. П. Рожнова.

Зеленый зал: «Социокультурное и духовно-нравственное сопровождение семьи в системе бесшовного образования». В работе этого направления заведующей МБ ДОУ «Детский сад № 185» О. Г. Скворонской и педагогами этого детского сада были представлены инновационные практики социокультурного развития детей дошкольного возраста посредством диалога с куклой (проект «Открой мир с куклой» реализуют воспитатели: А. А. Казанцева, Н. А. Нестерова и др.). Интересный опыт работы с родителями и детьми был представлен МБ НОУ «Гимназия № 62» в работе мастерской: «Гимназия 62 – пространство возможностей для совместного творчества учащихся и родителей». Особые акценты были выделены на семейное чтение заведующей библиотекой В. Н. Медведевой и библиотекарем лицея Н. И. Глуховой; патриотическое и духовно-нравственное воспитание М. Г. Феофановой и Е. В. Федановой, С. С. Балахниной. Созвучно работе секции было выступление о возможностях проектной деятельности студентки СибГИУ Е. А. Безродной.

Белый зал: «Социокультурный диалог образовательной организации и семьи в медиации детского конфликта». Работа белого зала началась с представления спектакля «Болезнь непросщения», в котором участвовали дети-медиаторы МБ НОУ «Лицей № 111». Для ребят и их родителей, а также всех участников секции прозвучали важные мысли о понимании другого, ценности каждого человека в жизни и прощении. Открытие секции началось с доклада «Социокультурные основы медиации детского конфликта» О. А. Устиновой – кандидата психологических наук, доцента кафедры психологии и общей педагогики КемГУ, г. Новокузнецк, руководителя центра «МИР». На секции детьми, родителями и педагогами был представлен проект «Дружба народов России», с которым выступили учитель начальных классов, завуч по УВР МБ НОУ «Лицей № 111» (А. В. Девяткина, Е. В. Щербина). Дружба между детьми разных национальностей – залог успешной России. Россия – многонациональная страна и большая семья. Проектирование дружеских отношений между детьми связано с активной работой педагогов: учителем музыки Л. И. Миргородской, учителем начальных классов Т. П. Манаенко, учителем на-

чальных классов А. Ю. Шевченко. На секции был представлен также опыт медиативной работы педагогом-психологом МБОУ «Гимназия № 73» О. Н. Паскидовой. Практическая медиация конфликта через прощение была представлена многодетными родителями М. А. Филипповым и В. П. Филипповой. С большим интересом проходило обсуждение вопросов, поставленных в ходе работы секции (директор МБОУ «СОШ № 22» Е. А. Харламова, родители А. В. Боровиков и Я. В. Боровикова, Н. Э. Амирасланова и др.).

Синий зал: «Участный» диалог как основа воспитания. Истинное воспитание – воспитание самих себя». В ходе работы этой секции был представлен опыт «участного» общения взрослого с ребенком. Ученые и педагоги МБОУ Прогимназия «Зимородок» Е. А. Вайнбендер, А. В. Ростова, Л. Г. Албул, Т. С. Метелева, Л. В. Трофимцева (г. Новосибирск) обратили внимание на особенности организации детско-взрослого «со-бытийного» диалога в современном образовательном пространстве. Диалог – это прежде всего и эмоциональное сопереживание. Именно это подчеркнул кандидат психологических наук, доцент АлтГПУ (г. Барнаул) И. В. Григоричева. Заместителем директора по УМР МБ НОУ «Лицей № 111» А. В. Смагиной был представлен мастер-класс «Семейный микроклимат». Анной Владимировной в сотрудничестве с педагогами начальных классов (О. А. Поповой, Ю. Ю. Лучкиной, Е. Л. Аверкиной, Л. Н. Куликовой) была показана уникальная диалоговая методика работы с детьми младшего школьного возраста. В работе секции были представлены различные формы вовлечения родителей в профориентационную деятельность. Опыт профориентации был описан в докладе руководителя профориентационной работой МБОУ «Гимназия № 73» А. В. Серебряковой.

Желтый зал: Творческая гостиная «В семье поэтов Кузнецка». Галина Павловна Чичкань, заслуженный учитель Российской Федерации, провела мастер-класс. Она показала, как можно «заразиться» общим делом в семье. Оказывается, все просто. Надо писать. Писать историю своей семьи, рассказывать о родных людях, которые дороги тебе сегодня. Писать о тех, кого ты никогда не видел, но чья жизнь – пример для подражания, семейная легенда. Выразить свою любовь, восхищение, уважение и гордость в стихах не каждый умеет. В лицее проведен конкурс стихотворений о семье, стихи 68 лауреатов вошли в электронный сборник «Пою стихами о семье». На мастер-классе ученики читали их – кто-то уверенно, громко, кто-то застенчиво и робко, видно, что впервые представляет свое творчество широкой аудитории. Стихи глубоко личностные, пропущенные через призму своего восприятия родных и себя, пропитанные осознанием значимости своего рода, роли родителей и старшего поколения в становлении человека. Ученики посвящают стихи братьям, сестрам, без которых нет полного ощущения счастья. Приглашенные взрослые – новокузнецкие поэты литературной студии «Муза» – прочли свои и новые стихи, и уже знакомые читателям. Атмосфера уважения, доверия господствовала в зале. Е. А. Гусельникова, И. А. Ермакова, Н. В. Лучкина, О. Л. Малюк, В. Д. Можайский, Л. Р. Новикова, К. Р. Сидорова, Г. П. Чичкань, Е. И. Шумских, А. А. Щетников не торопясь, вглядываясь в лица учеников, делились сокровенным – читали стихи о далеком детстве, юности, своей жизни, о том, что волнует теперь. И каждый присутствующий согласен: семья – наша опора, наша гавань, пристань, дом, где нас поймут, помогут, поддержат. Стихи гостей тоже вошли в первый электронный сборник. Работа этой секции породила очень много идей и вдохновила участников.

В работе Международного форума «Семья и образовательная организация – на встречу друг другу» приняло участие более 100 человек. Эти часы совместной работы и общения показали, как важна для нас семья. Многие иностранные дистанционные и очные участники просили включить их в дальнейший проект по работе с семьей. Работа форума сопровождалась вкусным чаепитием и дружеским общением на секциях. В лицее была проведена дегустация разных блюд для родителей, чтобы они сами попробовали, что кушают их дети, находясь в лицее. Атмосфера форума была наполнена дружелюбием, радостью и «участностью». Семья – это школа любви!

Устинова Ольга Анатольевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и общей педагогики,
руководитель центра «МИР»,
Кемеровский государственный университет,
Новокузнецкий институт (филиал),
г. Новокузнецк, Россия

Об итогах Межрегионального научно-методологического вебинара «Регуляторные способности и их место в структуре индивидуальности и личности»

На базе кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета 15 февраля 2024 г. прошел Межрегиональный научно-методологический вебинар «Регуляторные способности и их место в структуре индивидуальности и личности. В вебинаре приняли участие преподаватели, ученые, студенты Новосибирска, Москвы и Новокузнецка.

Организаторами вебинара являлись Новосибирский государственный педагогический университет, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (психологический институт), Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Для кафедры общей психологии и истории психологии этот вебинар является не первым. Кафедрой в течение уже нескольких лет успешно реализуется такая форма научного общения, которая включает обсуждение актуальных проблем современной психологии, знакомство с проблематикой научных исследований в вузах и научно-исследовательских институтах России, установление контактов в области различных исследований с пермскими и московскими учеными, исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Новокузнецка и других городов России.

Проблематика данного вебинара является, несомненно, весьма актуальной как в научном, так и в социальном плане. Трудные времена востребуют от человека умения принимать оптимальные решения в сложных ситуациях, повышенной ответственности, организованности и саморегуляции.

В рамках вебинара обсуждался ряд докладов, раскрывающих вопросы природы саморегуляции, возможностей ее развития и места в структуре личности.

Профессор Мухамед Коншобиевич Кабардов, доктор психологических наук, заведующий лабораторией дифференциальной психологии и психофизиологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт, г. Москва) выступил с глубоким сообщением «Соотношение биологического и социального в общих и специальных способностях: возможности – способности – компетентность», где был дан обзор современных достижений лаборатории в отношении проблемы регуляторных способностей и поставлен вопрос о необходимости понимания их биологических предпосылок в процессе развития на разных этапах становления человека.

Профессор кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ» и кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии российской федерации Наталья Яковлевна Большунова, доктор психологических наук представила доклад «Развитие способности к саморегуляции в детском возрасте». В сообщении особое внимание обращено на развитие саморегуляции у детей дошкольного и младшего школьного возраста в контексте психологических особенностей современных детей.

Доцентом кафедры психологии и общей педагогики Кузбасского гуманитарно-педагогического института «Кемеровский государственный университет» (г. Новокузнецк), кандидатом психологических наук, Ольгой Анатольевной Устиновой представлено сообщение «Социокультурное развитие как основа становления саморегуляции на разных возрастных этапах», раскрывающее опыт развития саморегуляции у дошкольников и школьников в процессе организации социокультурного воспитания в школе и детском саду.

Доцент кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ» (г. Новосибирск), кандидат психологических наук Наталья Андреевна Галюк в докладе «Проявление функциональной асимметрии как индивидуальная особенность современных школьников» рассмотрела современные взгляды на проблему функциональной асимметрии, индивидуальные особенности школьников, различающихся по этому параметру, а также особо отметила необходимость понимания педагогами этих особенностей и учета их в процессе обучения.

Полковник, заведующий кафедрой военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат психологических наук Алексей Анатольевич Дьячков и профессор той же кафедры, кандидат психологических наук Татьяна Александровна Кононова рассмотрели актуальную в настоящее время проблему «Развитие способности к саморегуляции военнослужащих войск национальной гвардии РФ в современных условиях».

С весьма интересным сообщением «Человек, индивид, личность в истории отечественной психологической мысли выступил кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ» Денис Васильевич Иванов, где особое внимание обращено на «образ человека борющегося», представленного в отечественной истории и литературе, проблему его становления.

Заинтересованное обсуждение представленных докладов, включенность в обсуждение студенческой аудитории свидетельствуют об актуальности обсуждаемой проблематики и необходимости в дальнейшем продолжения и совершенствования этой формы научного общения.

Большунова Наталья Яковлевна,
доктор психологических наук,
профессор кафедры общей психологии
и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ»

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в рецензируемом научном периодическом журнале «Развитие человека в современном мире», отражающем проблемы современной теоретической и практической психологии. Журнал выходит 4 раза в год.

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Журнал адресован преподавателям вузов и средне специальных учебных заведений, научным сотрудникам, практикующим психологам и педагогам, аспирантам, соискателям, магистрантам и студентам в психолого-педагогической области.

Авторами публикаций в журнале являются профессорско-преподавательский состав вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, работники системы общего и дополнительного образования.

Требования к статьям и условия публикации в журнале:

1. Общие положения.

1.1. Редакцией не принимаются к рассмотрению материалы публиковавшихся ранее научных статей, а также материалы, не соответствующие изложенным требованиям и рекламные материалы.

1.2. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (не в соавторстве с научным руководителем) предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

1.3. Редакционная коллегия производит отбор поступивших материалов и распределяет их по рубрикам. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

1.4. Вознаграждение (гонорар) за опубликованные научные статьи не выплачивается.

1.5. Автор (соавторы), в соответствии с приведенными ниже требованиями, условиями, оформляет необходимые материалы: сопроводительные документы и рукопись статьи в электронном виде. В электронном виде материалы передаются по электронной почте.

1.6. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу по электронной почте.

1.7. Редакция имеет право частично или полностью предоставлять материалы научных статей в российские и зарубежные организации, обеспечивающие индекс научного цитирования, а также размещать данные материалы на интернет-сайте журнала.

2. Требования к материалам и рукописям.

2.1. Автор предоставляет в редакцию текст статьи и заявку в виде отдельных файлов в редакторе Microsoft Word. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (без соавтора с научным руководителем), также прилагают отзыв научного руководителя на статью.

2.2. Рукопись статьи должна включать в себя текст статьи, а также пристатейные материалы:

- а) УДК (на русском языке);
- б) данные об авторе (на русском и английском языках);
- в) заголовок статьи (на русском и английском языках);
- г) аннотация (на русском и английском языках);
- д) ключевые слова (на русском и английском языках);
- е) список источников (на русском языке, в алфавитном порядке)
- ж) References (литература на английском языке).

2.3. Объем статьи может составлять до 30 тыс. печ. знаков. Рукописи, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению по согласованию с редакцией. Текст печатается в формате Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. Поля страницы – по 2,5 см с каждого края.

2.4. Аннотация должна соответствовать содержанию статьи и отражать ее структуру. Рекомендуется в статьях, содержащих результаты эмпирического исследования, в структуру аннотации включать: введение, цель статьи, методы, результаты, обсуждение результатов, выводы. В теоретических статьях рекомендуется в аннотацию включать: введение, цель статьи, основная часть (в основной части могут выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), выводы.

Текст аннотации должен отличаться содержательностью, компактностью и отсутствием лишней для читателя информацией. Объем аннотации не менее 200 – 250. Шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, выравнивание по ширине.

2.5. Ключевые слова: 5–10 слов, по которым статьи могут быть найдены в электронных поисковых системах. Шрифт Times New Roman, кегль 11, интервал одинарный, отступа первой строки нет, интервал после абзаца 12 пт.

2.6. Текст статьи. При подготовке рукописи автору необходимо определиться с жанром – теоретическое, эмпирическое или методическое исследование.

В структуру статей, описывающих **эмпирические исследования**, рекомендуется включать следующие разделы: **ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ**. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой, содержание рукописи должно отражать новизну исследовательского подхода автора.

В статьях **теоретической направленности** рекомендуется выделять следующие разделы: **ВВЕДЕНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ** (в основной части могут быть выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во **ВВЕДЕНИИ** должна быть сформулирована цель статьи, содержание статьи должно отражать новизну теоретической позиции автора.

В статьях **методической направленности** рекомендуется выделять **ВВЕДЕНИЕ**, предлагаемые **МЕТОДЫ** (психологической помощи, психоконсультирования, психокоррекции, исследовательские методы, развития личности, психических процессов и пр.) и их обоснование, **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ**,

ВЫВОДЫ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во **ВВЕДЕНИИ** должна быть сформулирована цель статьи.

2.7. Список источников. Помещается в конце статьи после подзаголовка. В список должны войти научные источники, отражающие современное состояние исследований по проблеме. Список оформляется в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, помещаются после упоминания в тексте соответствующего источника и содержат номер указанного источника в списке, при цитировании – страницы.

Все источники, на которые были даны ссылки в тексте, должны быть включены в список источников. Авторы должны специально проверить это соответствие!

В рукописи должны быть представлены источники на русском и иностранных языках (рекомендуемая доля иностранных источников не менее 30 %, от общего количества). Литература должна отражать современное состояние проблемы исследования. Литература составляется в алфавитном порядке – сначала русскоязычные, затем – иностранные источники. Для эмпирических и методических статей список литературы должен включать не менее 15 источников, для теоретических – не менее 25. References оформляется в соответствии с требованиями.

2.8. Рисунки и таблицы. Текст статьи может включать таблицы, а также графические материалы (рисунки, графики, фотографии и др.). Данные материалы должны иметь сквозную нумерацию и названия. На все таблицы и графические материалы должны быть сделаны ссылки в тексте статьи. При этом данные объекты должны быть расположены после ссылок на них. Шрифт надписей внутри рисунков, графиков, фотографий и других графических материалов Times New Roman, размер кегля 12, межстрочный интервал 1,0 (одинарный). Рисунки и схемы сохраняются как картинки (они не должны быть редактируемыми в текстовом редакторе Word).

3. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. После получения материалов научной статьи ответственный секретарь проводит оценку правильности оформления и достаточности полученных материалов. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

3.3. Зарегистрированные материалы научной статьи направляются для рассмотрения на рецензию. Рецензирование рукописей статей, представленных для публикации в журнале «Развитие человека в современном мире», организуется редакционной коллегией. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на редакционную коллегию.

3.4. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи.

3.5. Рецензенты обращают внимание на следующие вопросы: соответствие названия статьи ее содержанию; соответствие аннотации содержанию статьи; актуальность данной темы; новизна данной темы (данного исследования); теоретическая / методическая направленность данной работы; теоретическая / практическая значимость данной работы; терминологическая база работы, ссылки на другие источники и цитаты; использование научных библиографических источников, индексированных в базах данных (РИНЦ, SCOPUS). При положительной рецензии статья включается в план публикации соответствующего тематического раздела журнала. Автора уведомляют о включении статьи в план публикации. Сроки и очередность

опубликования устанавливаются редакцией с учетом количества статей, находящихся в плане публикации соответствующего тематического раздела журнала. При получении рецензии на статью с замечаниями о возможности опубликования ответственный секретарь направляет автору по электронной почте рукопись статьи с формулировкой «На доработку» с замечаниями.

3.6. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

3.7. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя.

3.8. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 % (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

3.9. Более подробные требования к оформлению статьи можно найти на сайте журнала

3.10. В связи с размещением журнала в системе РИНЦ с авторами заключаются договоры, предусматривающие передачу авторских прав на конкретную статью издателю журнала. Договор в бумажном виде привозится автором лично, отправляется по почте России, либо сканированный вариант подписанного договора высылается на электронную почту.

Наш адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская 28, НГПУ, кафедра общей психологии и истории психологии.

Тел./факс: 8 (383) 244-00-95.

E-mail: razv.cheloveka.journal@nspu.ru